

РИНА ОРЕ

МЕРИДЕЯ ХРОНИКИ КОНЦА СВЕТА

ТРИЦВЕТКА И ДВЕ ЕЛИ

ТОМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Рина Оре

Три цветка и две ели. Третий том

«ЛитРес: Самиздат»

2019

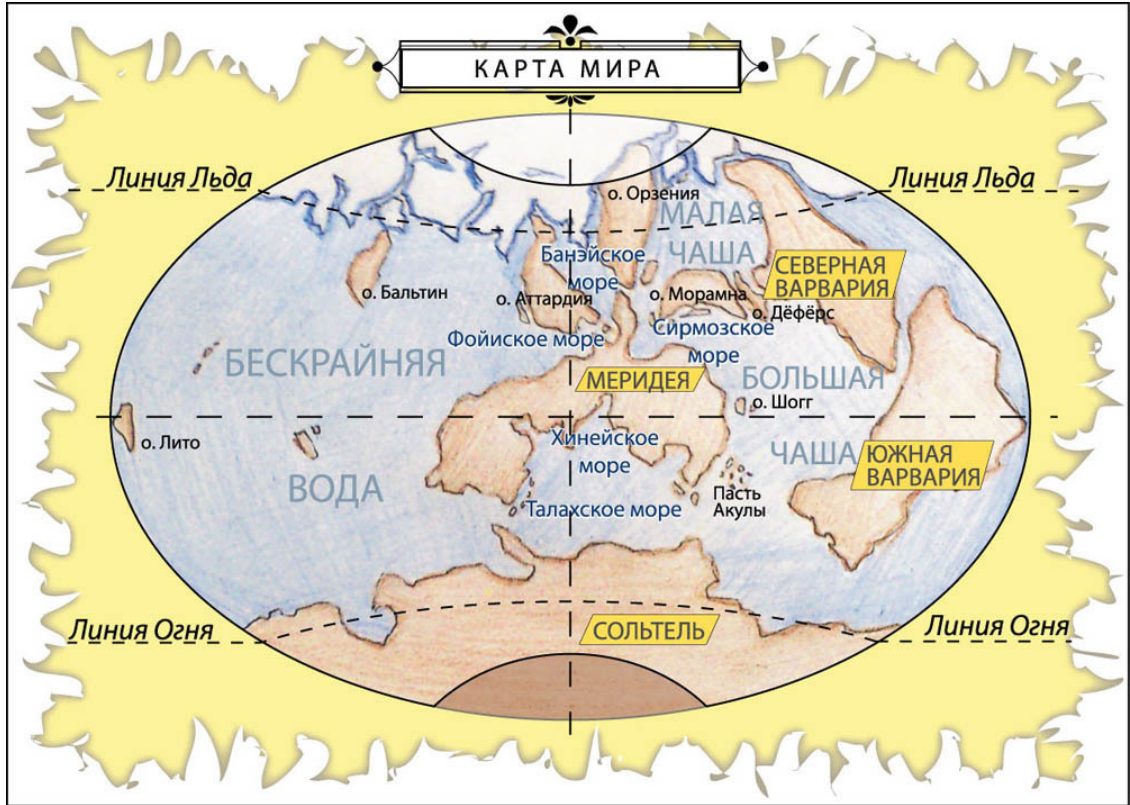
Рина Оре

Три цветка и две ели. Третий том / Рина Оре — «ЛитРес: Самиздат», 2019

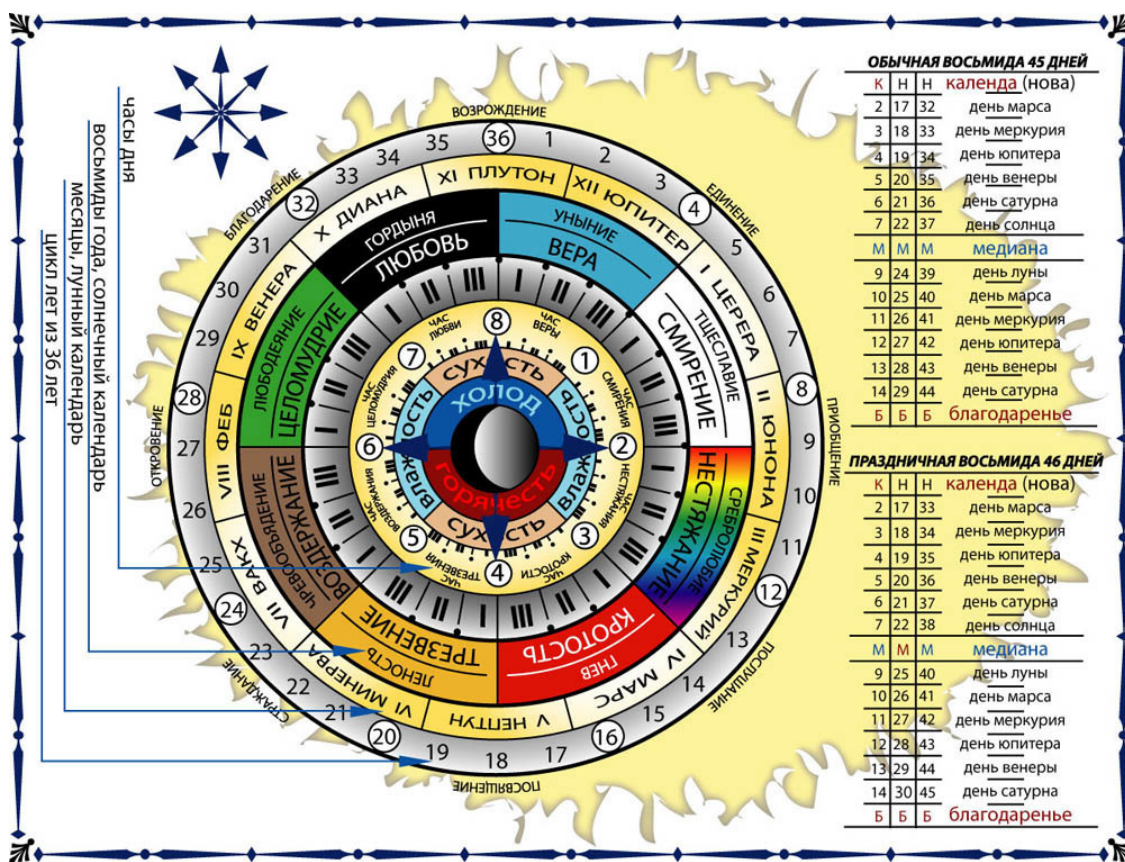
Вторая книга из цикла «Меридея. Хроники Конца Света» непосредственно продолжает первую книгу, «Гибель Лодэтского Дьявола». В этой части романа подводятся итоги прошлого: кому-то пришло время платить за ошибки, кому-то за помощь демона. Иллюстрации и обложка книги выполнены автором. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Времяисчисление Меридеи	6
Праздники Меридеи	9
Глава I	11
Глава II	25
Глава III	41
Глава IV	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Времяисчисление Меридеи

Цикл лет – 36 лет (период между столкновениями светил)

Год – 365 дней или 8 восьмид по числу Добродетелей и Пороков

Високосный год – 366 дней (раз в четыре года)

Восьмида года – 45 или 46 дней

1 – Вера (Уныние) – 46 дней

2 – Смирение (Тщеславие) – 45 дней

3 – Нестяжание (Сребролюбие) – 46 дней

4 – Кротость (Гнев) – 46 дней

5 – Трезвение (Леность) – 45 дней (в високосном году – 46 дней)

6 – Воздержание (Чревоуобядение) – 45 дней

7 – Целомудрие (Любодеяние) – 46 дней

8 – Любовь (Гордыня) – 46 дней

Триада (треть восьмиды) – 15 дней в обычную триаду, 16 дней, когда празднуются Юпитералий, Меркуриалий, Марсалий, Великие Мистерии, Венераалий или Сатурналий.

Календа – 1-ый день восьмиды или 1-ый день 1-ой триады

Нова – 1-ый день 2-ой и 3-ей триады

Медиана – середина триады

Благодаренье – конец триады (день посещения храма)

Дни в триаде: 1 – календа или нова, 2 – день марса, 3 – день меркурия, 4 – день юпитера, 5 – день венеры, 6 – день сатурна, 7 – день солнца, 8 – медиана, 9 – день луны, 10 – день марса, 11 – день меркурия, 12 – день юпитера, 13 – день венеры, 14 – день сатурна, 15 – благодаренье

День – 16 часов (8 часов от полуночи до полудня и 8 часов от полудня до полуночи)

Час – 72 минуты

Часы дня:

- 1 – час Веры
- 2 – час Смирения
- 3 – час Нестяжания
- 4 – час Кротости
- 5 – час Трезвения
- 6 – час Воздержания
- 7 – час Целомудрия
- 8 – час Любви

Триада часа (треть часа) – 24 минуты

Век – 128 лет

Век человека – 72 года

Возраст Единения – 4,5 года

Возраст Приобщения – 9 лет

Возраст Послушания – 13,5 лет

Возраст Посвящения – 18 лет

Возраст Страдания – 22, 5 года

Возраст Откровения – 27 лет

Возраст Благодарения – 31, 5 год

Возраст Возрождения – 36 лет

Второй возраст Благодарения – 40,5 лет

Второй возраст Откровения – 45 лет

Второй возраст Страдания – 49,5 лет

Второй возраст Посвящения – 54 года

Второй возраст Послушания – 58, 5 лет

Второй возраст Приобщения – 63 года

Второй возраст Единения – 67,5 лет

Второй возраст Возрождения – 72 года

Месяцы:

- 1 – Церера
- 2 – Юнона
- 3 – Меркурий
- 4 – Марс
- 5 – Нептун
- 6 – Минерва
- 7 – Вакх
- 8 – Феб
- 9 – Венера
- 10 – Диана
- 11 – Плутон
- 12 – Юпитер

Начало месяца – появление луны.

Праздники Меридеи

Возрождение – начало года, начало восьмиды Веры, середина зимы

Юпитералий (празднество мертвых) – 23-24-ый день Веры

Перерождение Воздуха – начало весны, начало восьмиды Смирения

Весенние Мистерии – середина весны, начало восьмиды Нестяжания

Меркуриалий (празднество искусств и ловкости) – 23-34-ый день Нестяжания

Перерождение Воды – начало лета, начало восьмиды Кротости

Марсалий (празднество воинского мастерства) – 23-24-ый день Кротости

Летние Мистерии – середина лета, начало восьмиды Трезвения

Великие Мистерии – 23-34-ый день Трезвения в високосном году

Перерождение Земли – начало осени, начало восьмиды Воздержания

Осенние Мистерии – середина осени, начало восьмиды Целомудрия

Венераалий (празднество любви и счастья) – 23-24-ый день Целомудрия

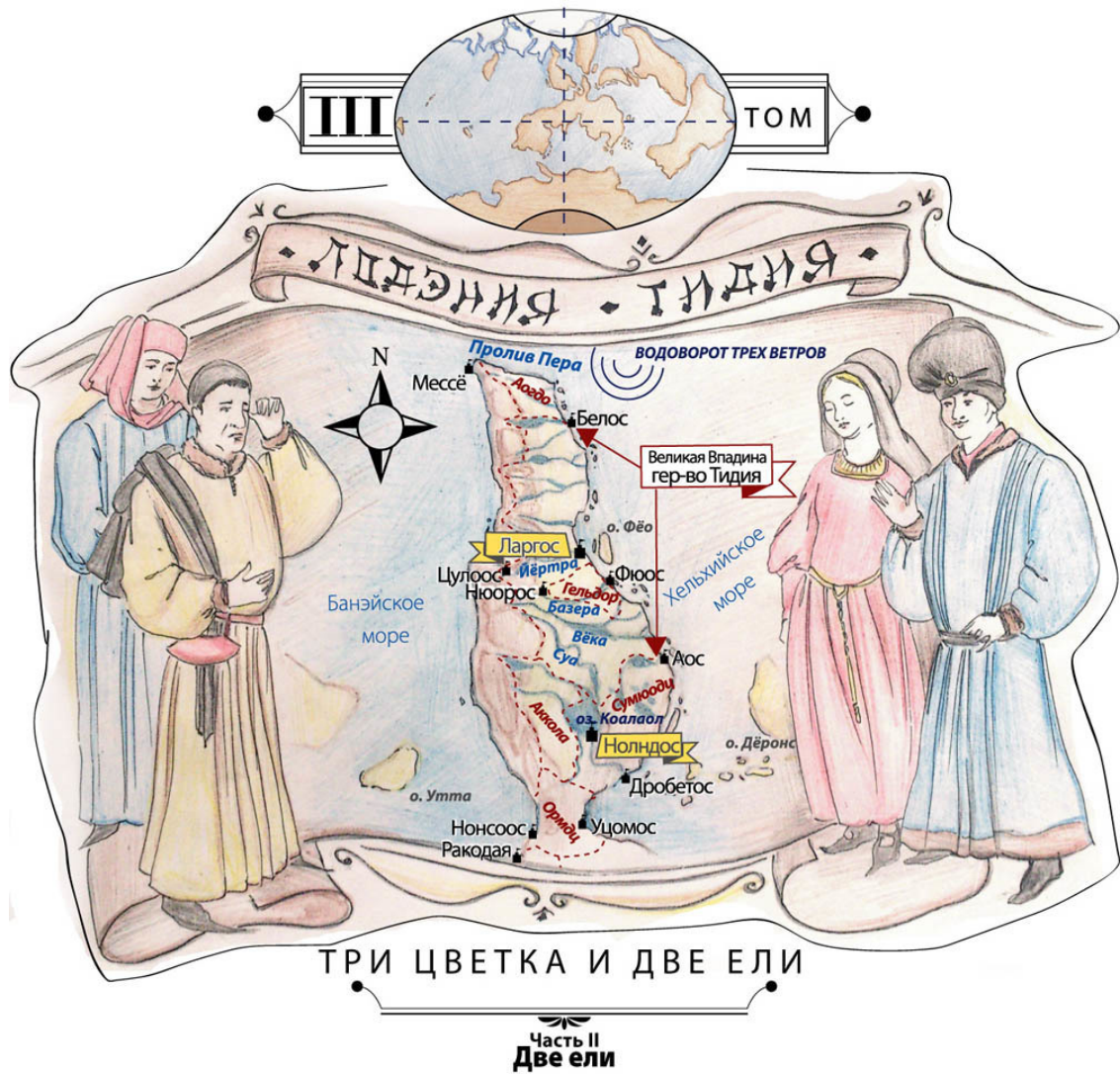
Перерождение Огня – начало зимы, начало восьмиды Любви

Сатурналий (празднество веселья в память о Золотом веке) – 23-24-ый день Любви

Судный День и Темная Ночь – конец года, 46-ый день Любви

Главный Судный День и Темнейшая Ночь – 46-ый день Любви 36-го года или конец цикла из 36 лет (високосный год)

Великое Возрождение – 1-ый день Веры 1-го года или начало цикла лет.

Глава I

Орден Маргаритки

В меридианском мире почти ко всему отношение складывалось двойственное, поскольку люди всю жизнь выбирали – следовать ли по трудному пути Добродетелей вверх или сходить по несложному пути Пороков вниз. Так и смерть, с одной стороны, означала боль утраты, скорбь и слезы, с другой стороны, была частью жизни, избавлением от постаревшей, больной, негодной плоти, концом битвы с Дьяволом на пути к Божьему свету, а также передышкой перед новым поединком. Душам меридианцев, победившим порочные склонности плоти, был уготован небесный Рай, праведникам – розовые острова Элизия; грешникам, потворствующим порокам своей плоти, – подземный Ад. Освобожденная от плоти душа отправлялась сперва на суд Бога – там ее взвешивали, и если она оказывалась слишком тяжела для того, чтобы парить облаком, то низвергалась в царство Дьявола. Правда, нигде в Святой Книге упоминаний о весах на небе или описаний того, как проходит суд над душой, не имелось. Историю с весами выдумали лицедеи для мистерий Меркуриалия, однако она прижилась вместе с убеждениями, что Дьявол – это большой красный дядька со страшным ликом, тронем из костей и двузубыми вилами, а Бог – мудрый старичок. Традиционно театральные мистерии Меркуриалия проходили в храмах, и священники объясняли прихожанам заблуждения сих действий: что ни у Бога, ни у Дьявола плоти нет вовсе, что весы никак не могут висеть на небе и тем более стоять там, ведь оно – это жидкий небесный океан, горячий и влажный, что весы это вообще символ языческой богини Меры, какой никогда не существовало, что Бог не добрый старичок, но всемогущий творец света в мире мрака, в том числе света в виде карающих молний, что судит Он по справедливости, что люди в справедливости ничего не понимают, что святой смысл справедливости доступен только Ему и что единственная надежда грешников на милость – это заступничество Пресвятой Праматери, какая родилась человеком и оттого знает, как сильна бывает плоть и ее голос, жаждущий земного рая, а не небесного.

Словом, никто не мог знать наверняка, куда отправится душа после успокоения, в Рай или жаркий Ад – на лечение от влажных Пороков. В Юпитералий Дьявол отпускал грешные души из Ада, дабы они вспомнили земной мир, послушали воспоминания о себе от семьи, друзей или недругов, да осознали, за что их наказали мучениями. Призраков тянуло к своим останкам, к склепам, могилам, кладбищам; там они понуро сидели и ждали подношений. Иные, уставшие ждать, бродили по дорогам в поисках своих любимых. Так, два дня в середине восьмиды Веры всецело принадлежали мертвым. В мрачное празднество Юпитералий не справляли свадеб, дней рождения, иных торжеств. В храмы приходили даже те меридианцы, которые преступно пропускали службы по благодареньям. Призраков боялись, хотя они не могли причинить людям серьезного вреда: как максимум могли лишь напугать самых впечатлительных.

А Маргарита с детства любила Юпитералий. Дядя ей рассказывал, что ее папа унаследовал хороший дом в Хлебном городе Бренноданна, что он, старший Синоли Ботно, часто направлялся гильдией плотников строить в других землях мосты, дворцы и замки, что доход был у семьи на зависть прочим, что семья ни в чем не нуждалась, что ее мама работала цветочницей исключительно от скуки и неполный день. Всё резко изменилось, когда старший Синоли Ботно занедужил меланхолией: он стал выпивать, к тому же отказался более работать для гильдии в других городах – и доходы семьи резко упали. Должно быть, очень резко – Маргарита смутно помнила тот дом в Хлебном городе, ведь покинула его в свои пять без малого лет, вскоре после смерти матушки. Она помнила, что уже тогда ни на что не хватало денег, а всё ценное родители продали. Затем Маргарита, два ее брата и отец жили в Портовом городе, в комнатке на третьем этаже инсулы. В той комнатке они вчетвером и ели, и спали, и мылись, и всё-всё делали. Средств за проданный дом хватало отцу на пивные и семье на пропитание,

но не на вкусности, такие как пироги, тем более конфеты. Юпитералия Маргарита и два ее брата с нетерпением ждали целый год. Богачи в празднество мертвых начинали угощать бедных уже после полудня первого дня, оставляя вдоль дорог горшочки с мясными обрезками и всем тем, что им не годилось для застолья, а утром второго дня люди жертвовали абсолютно всё недоеденное и недопитое за поминальный обед: отвозили горшочки с едой к могилам или снова ставили их вдоль дорог.

Более Маргарита не бегала в поисках «сокровища», хотя ей нравилось – интересно, весело и награда в конце. Второй год подряд она встречала Юпитералий так, что сама себе завидовала. Вечером двадцать третьего дня Веры огромный дубовый стол в ее доме, в Рюдгксгафце, ломился от яств, и на поминальный обед собралось столько друзей, столько дорогих людей! Пришли все «демоны», «черты» и люди Рагнера, были Гёре и Геррата, и много кто еще.

Во-первых, ее там была Хельха, вторая мама Ангелики. В семье Юлугов намечались перемены. Рагнер передал Ольвору четверть выкупа от принца Баро в виде банковской грамоты, и Хельха, узнав, что у них теперь есть груда золота, наотрез отказалась более жить с сыном на корабле – Ольвор наотрез отказался покупать дом где-либо еще, кроме Улы, и бросать «капитанить». Как поняла Маргарита из их громогласной, достойной этих двух великанов, перебранки, Ула тоже не являлась Лимонарием в оранжерее, и Хельха тоже не хотела там сидеть одна по полгода, без мужа, родных и друзей. Рагнер посоветовал Ольвору построить такой дворец на Уле, чтобы Хельха «грохнулась», а пока мудро прикупить «домишку» там, где жена требовала – на ее родном острове Утта. Еще он позвал друга в «верфную долю» – мастерить вместе корабли, ведь если что, то Рагнер спокойно себе помрет, зная, что его «божественная высь», то есть банальная земляная насыпь у реки и моря, в надежных руках. Маргарита его тогда больно ущипнула за подобные речи о смерти, мысли и намерения. Ольвор согласился и сразу заказал «улайскую лодку размером с дворцу», длинную, как галера. На том друзья и договорились. Рагнер был счастлив – Ольвор будет часто бывать в Ларгосе, Маргарита не очень.

Во-вторых, на пиршестве был Лорко, сердешный отец Ангелики. К Юпитералию его синий нос приятно порозовел, значит, настала пора готовиться к рыцарству и свадьбе. Енриити ныне была без ума от своего жениха; когда и как влюбилась в «рыжего проныру», не понимала. И еще она не понимала, в каком краю им жить. Лорко, «дамская тряпка» (Рагнер!), ни на чем наотрез не настаивал и сказал невесте «гдя хошь». Тогда же, на застолье в Юпитералий, Рагнер столь премного обрадовал Маргариту – сообщил, что раз они опекуны Енриити, то им надо «прошмыгнуть в Лиисем» (Лиисем!) и оформить все бумаги, разобраться с наследством и могилами – храму Пресвятой Меридианской Праматери требовалось заплатить до Меркуриалия целых шестнадцать золотых монет, иначе кости вынесут из кладбища в загородный склеп. Стало быть, Рагнер, Енриити, Лорко и Маргарита (конечно, и Ангелика тоже) по весне отправлялись в долгий путь, и герцогиню Раннор к ее шестнадцатилетию супруг одаривал волшебным подарком – восьмидой и не меньше в «свинячем имении». Восьмида и не меньше с любимейшим дядюшкой Жолем, с милой Беати, с сердешной дочкой Жоли, с вредными, но всё равно любимыми братьями, Синоли и Филиппом, и такой дорогой ее сердцу голубоглазой Звездочкой! (И да, Рагнер, дед Гибих мне тоже дорог, и никакой он не вонючий старых хрен!)

В-третьих, Магнус и Марлена повенчались по-настоящему. Как? Огю Шотно согласился на развод, Магнус провел тайную церемонию. Пригодился образ Пресвятой Праматери, найденный на чердаке Рюдгксгафца! Что до самого Огю Шотно, то торгош из него тоже вышел дрянь, как сказал Рагнер, – ни о чем толковом с аптекарями он не договорился, да и герцог Раннор, ныне уважаемый сыродел Брослоса, более не нуждался в аптекарях (прощай глисты!), чтобы сбывать свою «Веселую Смерть»: пусть прибыль от черного сыра будет не в семьсот пятьдесят раз, а куда как скромнее, зато никакого позора. В итоге дороги Огю Шотно и Рагнера Раннора разошлись: далее быть зрителем Ларгосца Огю отказался – и Рагнер вроде бы опечалился, но вроде и обрадовался одновременно. Теперь ему требовался управитель, при-

чем срочно, пока пауки от счастья не наплели паутины с удвоенным рвением да работники не обнаглели пуще прежнего. И вот (как тут не поверить в Божью волю?) – накануне Юпитералия нашелся Линдсп Вохнесог!

Он сам пришел в Рюдгксгафц – спросить, где могила Мираны. С ним были его супруга Пенера и (ну надо же!) Раоль Роннак. Далее Рагнер узнал, как Линдсп заколол Эгонна Гельдора, как бежал, как всего боялся – особенно черноусого Раоля, какой тоже бежал подальше от Брослоса и оказывался с четой Вохнесог то на корабле, то в тех же городах, где они останавливались. Раоль каждый раз при встрече обрадовано им махал, и у Линдспа в конце концов не выдержали нервы – он решил ему сдать. Затем Раоль узнал всю правду, затем они все трое узнали о переменах в Брослосе.

Рагнер от души наорал на Линдспа: за неблагодарность, за то, что тот прятался, за то, что подумал, что он швырнет его палачу. И больше всего бранного, дикого ора Линдсп заслужил за то, что бросил тело Мираны в подвалах Больницы и ничуть не позаботился о ее могиле. Рагнер проводил Линдспа в парк – к статуе маленькой девочки, играющей с куклой (именно такой помнил Рагнер Мирану) и там сказал Линдспу, что у него есть два пути – стать второй могилой по соседству или отправиться в Ларгос да искупить вину каторжным трудом, работая смотрителем его замка до осени. Линдсп очень боялся указывать такой «страшной женщине», как Железная Олзе, но от безысходности согласился. А за Рюдгксгафцом с радостью согласилась присмотреть Марлена, заодно весьма недурно заработать и отдать долг Огю Шотно. Рагнер же мог теперь спокойно путешествовать: сперва он обещал показать Маргарите восхитительный Нолндос и великое «голубое-голубое» озеро Каола́ол, далее – соседнее королевство Ладикэ и роскошный дворец брата-Ивара, а перед Орезоу – остров Утта – «нечто неопишное».

На Раоля Роннака орать Рагнер не стал (охрип после Линдспа), но сказал, что ему лучше обратиться из Лодэнии, ведь с такими «тайными знаниями» да при таком болтливом языке долго не живут, – предложил поехать вместе с ним в Орезу: мол, там, в Бренноданне, Рагнер его пристроит в какое-нибудь войско. Раоль тоже от безысходности, с грустью в сердце, согласился позабыть край, где жила мона Соолма Криду.

В Рюдгксгафц, на поминальный обед Юпитералия, Аргус пришел вместе с Эмильной. Маргарита и ее простила, показала ей свою «двенадцатидневную Ангелику» – и узнала, что Эмильна тоже ждет ребенка, но Аргус венчания с ней не мыслит, о своем ребенке позаботится. Чему удивляться? Аргуса ждала блистательная звезда канцлера, Эмильна же являлась бывшей бродяжкой и «многого повидала», так сказать, до Аргуса. Подобной супруги канцлер Нандиг иметь не мог. Он, кстати, уже изменился: одевался Аргус всегда хорошо, со вкусом, но согласно своему невысокому статусу; ныне – так броско и так неотразимо выглядел, что любой бы модник съел с досады свои башмаки. Рагнер шепнул Маргарите по секрету, что прозвал его «павлин», и попросил Аргусу не проболтаться, а то тот до сих пор, кажется, на него немножечко сердчат за пушки с «Хлодии». Но в целом Аргус и Рагнер вновь стали лучшими друзьями и братьями.

Эорик добился руки и сердца Марили. Они наметили венчание в Брослосе на конец зимы и продолжение свадьбы в Ларгосе дней на десять, как положено наместнику герцога. Сразу после Юпитералия Эорик отбывал в Ларгос, чтобы посмотреть: стоит ли он еще на месте из-за «старого котенка-неженки», а то Рагнер тревожился. Марили поклялась дожидаться жениха в Рюдгксгафце и из-под венца не бегать. Заодно «Медуза» увозила Линдспа, Пенеру и задание для Ваны Дольсога – «нагениалить» теперь длинный парусник; назад привозила наряды герцогини Раннор, достойные очей короля Ивара IX. «Краса моя, ты только Ивара не ослепи, а то зубов-то у него уж нет, еще и глаз не будет?» – «Вот, Рагнулечка, можешь, когда хочешь, сказать дивную похвалу!»

Поминальный обед прошел чудесно. На второй день Юпитералия герцог Раннор и две его герцогини ненадолго заглянули в Лодольц и положили угощения в склепе Ранноров. Далее

Ангелику представили ее королевской родне. Больше всего малышке, ныне наряженной в чепчик с жемчужинками и парчовый чехол с горностаевой опушкой, понравилась корона королевы Маргрэты. Белая Волчица неподдельно умилилась.

А с началом ночного часа Любви, Рагнер запер Лорко в часовне Рюдгксгафца, приказав, не смыкая глаз, молиться всю ночь!

На рассвете двадцать пятого дня Веры Иринга Мавборога посвящали в рыцари. Он был обязан провести ночь бдения и молитв, одетым в одну нижнюю рубаху (да, Лорко, подштанники тоже снимай и не ной – здесь ничуть не холодно), и чтобы он не околел, в промозглой до жути часовне расставили несколько корзин с углями. Под босы ноги будущему рыцарю его строгий наставник, Рагнер Раннор, разрешил положить циновку.

Рагнер предупредил друга, чтобы тот не плутовал, «не сопел и не дрых», но молился да на коленях, ведь он будет за ним «дозорить» – и если что, то безжалостно отменит посвящение. Лорко побурчал и признал, что к рыцарским обычаям надо относиться с почтением, – «раз все така бдили, та и я побдю».

Наставник искренне собирался заглядывать в часовню, но получилось так, что он ни разу не проведал Лорко за ночь. Только он залез в теплую постель к Маргарите, сразу понял, что не покинет ее. Они целовались, ласкали друг друга, попробовали впервые заняться любовью. Правда, поначалу Маргарита сопротивлялась – говорила про обряды очищения молитвами, что восьмиду надо ждать после родов и сперва требуется снять пилулой скверну, иначе деток у них больше не будет. Слава Богу, пилулу она приняла после службы в Юпитералий, а остальное ей поведал «поганный епископ» Аненклетус Камм-Зюрро. Минут через девять Лодэтский Дьявол, коварно обольстив свою жертву историями о плодovitости сильван, сломил ее сопротивление – сопротивление той, у какой имелся Порок Любодеяния, его любимый Порок.

Потом они долго говорили. Маргарита рассказала, насколько жуткие сны видела в башне Лонсё и как реальны они были: что все двадцать четыре прелата молились о ее гибели, что являлась Белая Дева с младенцем на руках и алыми глазами, что приходил Ангел Смерти в образе страшной, ледяной и неуёмной на поцелуи девицы, но имя девицы она позабыла (имена у вас в Лодэнии очень сложные), что Блаженного, кажется, спалили огнем Пекла и погибла его душа, то есть призрак, но перед этим он вернул себе достойный облик и что-то крайне важное ей поведал, однако она тоже никак не может вспомнить это «крайне важное». И самое жуткое – до того красноглазый демон, что жил внутри Блаженного, хотел родиться в ней, хотел подменить собой ее Ангелику и погубить весь мир, а она, Маргарита, устояла из последних сил каким-то чудом.

Рагнер хмурился. Особенно он обеспокоился, когда услышал о красных глазах. А что сказать, не знал. Постарался успокоить Маргариту ложью о том, что это последствия ужаса и снотворного снадобья, каким ее одурманили. Она вскоре заснула, он же нет – вспоминал то, что знал об «ордене Маргаритки».

По правде говоря, такое название придумали в народе: как по-настоящему назывался орден дьяволопоклонников, никто не знал, и существовал ли, вообще, этот орден – большой вопрос – может, просто какой-то безумец-одиночка. Лет семь назад у берегов Брослоса и в его окрестностях выловили за короткий срок то ли шесть, то ли больше покойниц. Все тела были голыми, с клеймами монахинь на руках и свежим ожогом на животе, больше всего напоминающим цветок маргаритки – восемь стрел меридианской звезды не расходились из центра к краям, а наоборот, сходились к пупку, образуя восьмилепестковое соцветие. И, кажется, первое тело нашли в Рюдгксгафхоне, в озере Ульол. История была загадочной. Во-первых, неясно: настоящие ли это были монахини – дамы Бога монастыри-то едва покидали, а тут сразу шесть тел. Во-вторых, тела были обескровлены, поэтому заговорили о дьяволопоклонниках – питье людской крови не являлось кошунством, однако, по словам астрологов, это так усили-

вало связи с миром камней и воздуха, что можно было слышать вопли Ада из-под земли и голоса демонов этого мира. В-третьих, более тел не находили ни разу. В-четвертых, покойницы были лысыми как подлинны монашки. В-пятых, клейма у всех монахинь были в виде звезд, что говорило об их девстве. В-шестых, всё указывало на то, что кто-то совершил страшное святотатство и действительно убил дам Бога, да еще надругался над ними, но епископ объявил, что ни одна монахиня не пропала из монастыря Святой Варвары. В-седьмых, неужели Гонтер? – нет, не верю! В-восьмых, придется послушать свист «лысого свиристеля» и прошмыгнуть к нему в Вёофрц.

На рассвете в часовню к Лорко пришли два рыцаря – Рагнер и принц Баро (!), и два друга «счастливого оруженосца» – Ольвор и Эорик. Рагнер был уверен, что Лорко сладко проспал всю ночь, и оттого громко шумел, открывая дверь часовни. К его удивлению рыжеватый парень выглядел бодрым и испуганным. Он дрожал то ли от холода, то ли от того, что пережил.

– Мьяення здесь в... вы нарочное ппугивали, а? – стуча зубами, накинулся на друзей одетый в одну рубаху Лорко.

– Угу, да кому ты нужен, – ответил Эорик.

– Нужон... – проскулил Лорко. – Бабе мертвай... Бррр... Тута скребкалося ночью! Баба енто была – я в таковских делых не обшибаюсь!

– Ну, мышь, наверно, завелась, бедолага, – предположил Рагнер. – А тебе всё бабы и бабы, жених херов...

Первой частью ритуала посвящения в рыцари являлось омовение в благом месте. Помощники Лорко затащили в часовню банную купель, похожую на бочку, покрыли ее шатром, наполнили заранее заготовленной водой. Замерший Лорко тут же прыгнул в чуть теплую воду и уже из-под шатра стал жаловаться:

– Как жа, мышь... То-та я не знаю, как мышки скребкаются! А ащя мяня лдяные руки касались... Даа, под рубахаю тожа! Именная там! Баба енто!

Лодэтчане хохотнули, а потом Рагнер перевел Адальберти сказанное.

– Я и молился... ух экак я молился, – бубнил из-под шатра Лорко. – Плясните жа ащя горячанькаго! Ольвор, братуха!

– Какой изумительный призрак! – с улыбкой сказал Адальберти. – Как укрепляет веру! Многим бы такой пригодился.

Ольвор открыл шатер, доливая из водолея в купель-бочку кипятка, и Рагнер увидел действительно напуганного, нервного и бледного Лорко. А он-то точно знал, что «бога ловкостей и обману» застрашать мало что могло.

– Ладно, Лорко, не бзди – это был я, – сказал Рагнер, и три других лодэтчанина на него изумленно вытаращились. – А что? – гордо поднял голову Рагнер. – Плащ-невидимка!

– Ээхээ, – прокряхтел Лорко. – И подчта ты трогал маего гярою, а?

– Ну... обещал же тебе хер на хер отхватить – вот! Скучно было, делать было нечего. А ты ведь не покался пред моей супругой на коленях!

– Клянуся, сягодня паду! Ты, братуха Рагнё, так тока боля не делавай!

– Если не будешь звать меня «Рагнё»! Это обращение старших к младшим, сосунок! Ну или между супругами, или от дам – они же крыша дома.

– Не будусь, Рагнер, клятваюся... – прогудел Лорко из шатра, плескаясь в воде. Скоро оттуда высунулась рука и отдала мокрую рубашку, а еще через минуту Лорко спросил: – А как ты дверю отпёр, коль здесь былся, а?

– Я все свои тайны должен, что ли, разболтать! – притворно разозлился Рагнер и, поставив руки на пояс, поднял глаза к потолку часовни. – Ладно... – другим, задумчивым голосом проговорил он, – на Бальтине я разжился шапкой-стенопроходкой...

Часовня Рюдгксгафца не представляла собой ничего необычного – обычная длинная зала, облицованная серым камнем, какой был и на фасаде замка: ни химер, ни крылатых демонов, ни прочей скульптурной модной нечисти. Залу опоясывал балкон для слуг, внизу стояли в два ряда двадцать скамей из дуба, а под куполом, на полу, пустовало место для алтаря – в данный момент там устроилась купель с шатром да встали четверо мужчин. Свет проникал высоко-высоко сверху – сквозь оконца в круглой башне, и в рассветных сумерках проступили узоры купола, очень похожие на восьмилепестковую маргаритку. «Гонтер... что же ты, скотина столичная, наделал-то здесь?..»

– А чего ты в Лодольц сразу не вошел с такой шапкой при бунте? – удивленно спросил Рагнера Эорик. – Сразу бы Зимронда казнил.

– Пробовал, – тряхнул головой Рагнер, – пробовал, Эорё, но не вышло. Шапка уж – труха, маковка одна от колпака осталась. Через каменные стены не ходит, через воду и железо тоже... Но вышло через дверь часовни. Вы только молчите! Вы поклялись, что всё сегодня – это тайна!

– Войду в рыцаря – тябя убию, – прогудело из шатра.

– Ха, зачем ждать! – достал Рагнер из ножен Анарим и открыл шатер.

– Пошутковал я! – сразу заявил Лорко.

– А я нет. Давай сюда свою рыжую морду – буду тебя брить. Или Адальберти эту честь доверить...

– Лучшай ты! Пожалста...

После того как Лорко омылся, надел чистую парадную одежду, а купель утащили, началась вторая часть церемонии: в часовне появились два послушника с иконами, священник с дарами стихий и восьмиконечный алтарь с золотым распятием, курительницей и двумя чашами. Весь «алтарный инструмент», кроме богатого покрывала, принадлежал Рагнеру (вернее, Аннару Стгрогору, а еще вернее – Богу) и был обнаружен в сокровищнице часовни.

Прежде всего Лорко и священник остались наедине: будущий рыцарь исповедовался и приобщился. Затем на алтаре зажгли восемь свечей, возложили на место жертвенной чаши меч без ножен (великолепный меч Бранта Хамтвира, проигравшего схватку), пригласили двух рыцарей и двух друзей посвящаемого. Далее триаду часа длился молебен – Лорко стоял перед мечом, священник обращался к Богу, вдыхая благовонный дымок из курительницы, послушники держали две иконы – с ликом Пресвятой Праматери и Божьего Сына. В окончание действия коленапреклоненный Лорко дал клятву служить Богу, не чинить урона храмам и их имуществу, не нанести вреда священнослужителям и всем людям, нашедшим укрытие на землях Святой Земли Меридиан. Священник поднял Лорко, опоясал его чресла рыцарской цепью, объявил воином Бога, но меча взять не позволил. Ольвор и Эорик, душевно поздравив друга, подарили ему мыло и свечи в знак того, что отныне он был обязан следить за чистотой тела и духа.

Священник угостил собравшихся пилулами и вином – остатки убрал в свою дароносицу, святое распятие и курительница спрятались в сокровищнице, все, кроме рыцарей, вышли, – наступила последняя, самая-самая тайная часть церемонии. На алтаре и его богатом покрывале, лежал только меч.

В опустевшей часовне Лорко опустился на колени перед двумя рыцарями, завершавшими обряд; алтарь был за его спиной. Он зачитал клятву:

– Вступая в рыцарское братство, я обязуюсь чтить его устав и жить по его правилам, а не в угоду страстям, обязуюсь следовать справедливости, не отказать в просьбе о помощи вдовам и сиротам, не осквернить свой меч бесчестным убийством, не направить его в спину брату, другому рыцарю. Обязуюсь уважать врага, ежели он рыцарь, обращаться с его мертвым телом с почтением и, коль некому более, то позаботиться об успокоении души рыцаря, друга или недруга, о передаче его останков друзьям, побратимам или семье, а если нет таковых, то найти достойное место для могилы, установить стелу с крестом и оплатить расходы. Обязуюсь не совершать напрасных убийств своих братьев – даже на поле брани: цель моя есть – не убить

брата-рыцаря. Обязуюсь, не спрашивая, прийти на помощь тем, с кем соединил руки знаком единства. Сам же не стану понапрасну тревожить братьев, с кем побратался, и обращусь за помощью в случае самой крайней потребности. Обязуюсь дать приют на ночь путникам-рыцарям в лучших покоях своего дома, пищу и свет дать им в дорогу. Обязуюсь жертвовать собой во имя правды и ради правды, не предавать, не воровать, не торговать. Сие моя клятва!

– Ты пропустил слова, – серьезно проговорил Рагнер. – Еще: обязуюсь быть щедрым и устраивать пир для братьев не реже раза в год... – улыбнулся Рагнер, когда Лорко это повторил. – И обязуюсь по первой просьбе своего наставника с радостью дать ему в краткое пользование жену или дочь...

Коленопреклоненный Лорко поднял на друга негодующие каре-зеленые глаза – искры в них горели огнем Ада.

– Ну ладно, – мерцал зубами совершенно счастливый Рагнер. – Не обижайся – ты столько подшучивал над всеми, что заслужил! Эорик баню до сих пор тебе забыть не может! Херов вор плащей-невидимок!

Адальберти Баро подошел к «рыжей навозной мухе», протянул руки и поднял Лорко на ноги, в знак своего прощения. Затем сам опустился на одно колено и застегнул на левой ноге Иринга Мавборога ремешок новенькой, блестящей, как зеркало, стальной шпоры. После встал, посмотрел своими черными глазами в мутно-зеленые – и вlepил Лорко звонкую пощечину.

– Эээ, а?.. – держась за щеку, простонал обиженный рыцарь.

– Ныне ты полностью мною прощен – закрыли все счета! – заключил улыбающийся Адальберти и сделал два шага назад.

– Это такие правила таинства, Иринг, клянусь тебе, – сказал Рагнер, – не шучу. Адальберти лишь ради этой пощечины согласился прийти. Оплеуха нужна, чтобы ты хранил тайну ритуала. А теперь моя очередь. Закрой, Иринг Мавборог, глаза и ничего не бойся, ничему не удивляйся и руками не маши.

Затем Рагнер быстро шагнул к нему, обхватил его за щеки и поцеловал в губы – просто впился, как упырь. Через пару мгновений Рагнер отскочил – и он, и Лорко брезгливо вытирали рты, принц Баро широко улыбался.

– Дча ащя за дялы, а? Рагнер, да?!

– Потому-то ритуал – тайна, потому-то нужна оплеуха, ух, – перевел дух Рагнер. – Мне самому целовать тебя гадко, а что делать? Спасибо за дочь!

– Жане скажи «спасибо за дочь», – бурчал и выворачивал губы Лорко. – К гярою мою ночью лазил, цалуешься вся и цалуяешься... Гадкое ему, не ври...

– Ааа! – прорычал Рагнер. – Всё, смолкни, осталось лишь сладенькое.

Лорко пуще встревожился, а Рагнер взял с алтаря меч.

– Ты заслужил его подвигом, – сказал тот, протягивая двумя руками меч Лорко. – Можно поцеловать клинок, но лучше сперва его опробуй – этот меч, уж прости, кажется длинноватым для тебя. Поцелуешь тот меч, в какой влюбишься или от какого, взяв его за рукоять, почувствуешь силу – так и поймешь, муж твой меч или дама, друг тебе или любимая, но в любом случае меч – это отныне отражение тебя. И я лишь передаю меч – его дал тебе Бог.

Иринг Мавборог принял двумя руками меч, поглядел на него и убрал в ножны – он купил у оружейников самые длинные, но даже они оказались самую малость малы для этого клинка. Лорко и этому не расстроился, и тому, что наконечник ножен упирался в пол – сказал: «мяне така дажа нравится». В самом конце ритуала он снял с алтаря покрывало, бережно сложил его и возвратил священнику. Покрывало символизировало цветущую Гео. Так Иринг Мавборог обязался помнить о мире, не только о войне.

На рассвете двадцать пятого дня Веры также приняли в рыцари принца Эккварта и десятых оруженосцев, среди которых был Брант Хамтвир. Они провели ночь бдения и молитв в Зале Славы Ксгафё, среди доспехов героев. Рыцарями, участвовавшими в таинстве, стали

Атрик Вовглор и Вив Цорлбор, бывший и нынешний первые рыцари Лодэнии. После дневного часа Смирения в Ксгафё случился «пир на весь мир», попросту говоря, веселая мужская попойка – Рагнер и Адальберти Баро повезли туда для знакомства с братством своего подопечного. Было и правда весело: конные соревнования, награждения титулами и землями за победы в недавнем турнире, другие памятные дары и высокопарные памятные слова. Лорко всех рассмешил до слез, «подло унизив» чучело с ядрами раз десять подряд! Единственным, кто ни разу не улыбнулся и сидел за столом смуром, был Брант Хамтвир – из-за своего меча. Он вознамерился бросить «рыжей ящерке» вызов в конце обеда, дабы не омрачить кровью торжество. А Лорко, заметив его гнев и узнав причину, великодушно вернул Бранту меч. Этот поступок заслужил уважение братства – Лорко стал своим. Более того, его позвали в Залу Совета и предложили там выбрать любой меч – Лорко выбрал самый длинный. Он бы удивился, узнав, что именно этот меч до того снял со стены Аргус. А еще до этого меч принадлежал Валеру Строгоору, гордости Лодэнии. Валер не принимал участия в Священной войне, не успел стать героем и получить золотые шпоры, но он являл собой пример «рыцаря без страха и упрека»: на войне отважен, как лев, в миру скромнен, будто монах. Такой меч налагал обязательства – и Лорко поклялся иметь отныне не «одежу, а сёрасть». Прощай камзолы, что зеленее зеленой зелени, шляпы-тазы и цепи с бубенцами! Этот клинок Иринг Мавборог поцеловал и дал ему новое имя – Акилегна, имя своей любимой сердешной дочки, прочитанное наоборот.

К тому времени Рагнера уж не было в Ксгафё: убедившись, что Лорко освоился в обществе рыцарей, он поехал в ненавистную ему тюрьму Вёофрц, что стояла на островке Вёофрс.

После того как рыцари не нашли Зимронда в Нолндосе, они судили его заочно – лишили рыцарского достоинства, возможности стать королем и его самого, и его наследников, освободили от долга всех рыцарей, присягнувших Зимронду на верность. Рагнер решил, что в услугах Кальсингога не нуждается – пусть «лысого свиристеля» судят, казнят, заберут всё-всё у его семьи, даже права свободных людей. А с клятвами Гонтера и Зимронда пусть тот, если успеет, делает что хочет – подумаешь, бумага, подумаешь клятва Дьяволу, – подделка!

Кальсингога поместили в прежнюю камеру Рагнера – весьма иронично, но ведь эта была одна из лучших камер в тюрьме, к тому же пустая и полностью убранная для почетного пленника. Пройдя внутрь, Рагнер огляделся – он провел здесь без малого восемнадцать суток – Кальсингог без малого тринадцать. Слева – каменное ложе у стены, на нем соломенный тюфяк, тонкая перина из овечьей шерсти и медвежье покрывало; над кроватью – зеленовато-грязный ковер, в правом от дубовой двери углу – завеса, за ней ведро для отправления нужды с плотной крышкой, какое каждый день приносили чистым, вверху – высоко-высоко, тусклый светильник; цепь от него проходила по потолку, спускали ее из коридорчика перед камерой.

Рагнер сказал удалиться всем стражам – сам остался с бывшим канцлером наедине; сел на стул, сложив руки на груди и вытянув скрещенные в лодыжках ноги. Гизель Кальсингог стоял – одетый в тот же черный, грязный плащ, длиной до пят, с капюшоном на голове. Он молчал, не улыбался, не двигался. На его сломанной переносице появилась горбинка.

– Садись, – кивнул Рагнер на кровать. – Бить больше не буду. Я пришел поговорить. Как ты, наверно, уже знаешь, Эккварта завтра коронуют – Зимронд больше не рыцарь, как все его потомки... Что до тебя... Говори мне всё, что ты знаешь об «ордене Маргаритки». Может быть, я тебе помогу.

Кальсингог, к удивлению Рагнера, торговаться не стал – сел на кровать и начал говорить:

– Гонтер Раннор довольно давно заговаривал со своим двэном, крон... с Зимрондом Раннором, о жизни после смерти, об алхимии, о Дьяволе, о том, что всё иначе, чем твердят священники... Сначала вскользь, затем более откровенно. Зимронд думал, что это выльется в очередную оргию – разврат, может, опий, язычество, игра... Он подписал бумагу с клятвой и был допущен до тайной службы ордена «Четыре короля» – так орден назывался, не «орден

Маргаритки» вовсе. Во время службы Зимронд испугался – то, что он увидел, игру не напоминало – никак дурманящих снадобий, даже вина не было или, кх... разврата – зато была кровь для питья, человеческая. Случилось это после того, как нашли восемь монахинь, и Зимронд обо всем догадался – он прервал службу, стал кричать на Гонтера, требовать назад свою грамоту с клятвой. Тот в ответ сказал, что у него уж нет ее, как и его собственной клятвы, и что пути назад тоже нет: могуществен и сам орден, и сила, какая им покровительствует – верховный демон, первый из первых, сын самого Дьявола... Сказал, что Зимронда даже убивать не придется – его просто-напросто сожжет молниями. Зимронд Раннор пошел к отцу, королю Ортвину, тот ко мне – приказал схватить Гонтера, силой вернуть бумагу с клятвой... Однако, когда мы прибыли в Рюдгксгафц, ваш брат исчез. Более он ни разу с весны тридцать второго года не объявлялся в Брослосе, как вы сами знаете. Путешествовал где-то, от него приходили лишь письма, вернулся для свадьбы с графиней Хильде, перед самой своей гибелью, в Ларгос... А магистром ордена «Четыре короля» был сам Арелиан Нулоа-о-Эзойн.

– Мне это имя должно что-то сказать? – хмурился Рагнер.

– Ну... имя знаменитое. Алхимик, колдун, создатель сатурномера, какой может указать любому день и час для перехода в тело его ребенка – перерождение, как у Божьего Сына, бессмертие, никакого Ада... Арелиан Нулоа-о-Эзойн – первый человек, победивший Смерть. Незадолго до своей гибели и поимки, он успел перейти в плоть своего годовалого младенца, а в возрасте Послушания вспомнил о том, кто он есть. «Четыре короля» – это из алхимической книги «Имена», путь бессмертия, какой гласит: «Черный Король из дома Белого Короля идет к Красному Королю в дом Желтого Короля».

– Еще раз, как его имя, алхимика?

– Арелиан Нулоа-о-Эзойн.

– Арелиан Нулоа-о-Эзойн... Княжество Баро?

– Имя баройское, но он из Толидó, толидонец...

– И как к тебе попали бумаги с клятвами?

– Совершенно случайно, благодаря моему покойному отцу по жене, господину Лимаро. Некий человек оставил на хранение в его банке не золото, а ценные вещи. Оговорили срок в пять лет. Через пять с половиной лет, то есть около года назад, банк более не мог хранить вещи – они открыли сундук, чтобы посмотреть на содержимое и решить: куда далее передать ценности на хранение. Нашли какое-то старое тряпье и эти две грамоты. Текст понятен, только если отразить его в зеркале.

– И ты оставил бумаги себе?

– Конечно. История улеглась, ваш брат погиб. А король Зимронд... весьма... непредсказуемый король – я решил, что должен иметь защиту.

– Кто был тот, кто сдал сундук?

– Имя, скорее всего, поддельное. В книгах Брослоса его нет.

– И всё же.

– Некий Ольфи Леуно, старик. Наверно, предстал уж перед Богом.

– Леуно... Вроде как орензское имя. На «Леоно», на льва похоже...

– Герцог Раннор, я с вами откровенен по одной причине: я жду, что вы меня освободите и выполните все мои условия. На меньшее я не согласен: все права, всё наше состояние, безопасность для моей семьи и ее честь. Не надейтесь, что грамоты это чепуха. В них нарисован знак и написано, в какое место клеймен тот или иной человек. У Зимронда есть клеймо под волосами, у вашего старшего брата – клеймен герб. Он был Желтым Королем...

Рагнер задумался: белый змей на лазурно-голубом фоне достался Гонтеру как родовой знак. Он хотел поставить у морского змея меч или копьё как у отца, но рыцарем после памятного турнира быть перехотел и вlepил над грозным змеем слащавое, по мнению Рагнера, красное сердце. Когда в тридцать втором году Рагнер вернулся с Бальтина, брат уже путешество-

вал, а над воротами Рюдгксгафца висел вновь измененный флаг – в красном сердце появился желтый крестоцвет, желтый цветочек, как будто от невзрачной травы сурепки, засоряющей пахотные поля. Еще сурепку называли «травой Святой Варвары», травой-целительницей: она всюду росла, заживляла раны, сельване добавляли ее листья в пищу, вместо горчицы, и бед не знали с зубами...

– Желтый крестоцвет? – спросил Рагнер.

– Да, но желтым этот знак был только у вашего брата. Зимронду достался черный крест. Он должен был стать Черным Королем и однажды обрести бессмертие.

– Что еще знаешь? Всё мне говори!

– Мои условия, Ваша Светлость?

– Говори! Посмотрим! Если ты мне не солжешь и отдашь бумаги – да, слово Рагнера Раннора, тебя выпустят, но с запретом появляться в Брослосе, Нолндосе, при дворе короля и на глаза короля. Когда у моего братца вырос крестоцвет в гербе и почему? Зачем ему всё это понадобилось? Ордены эти черные?

– Я знаю немного из того, что Зимронд рассказал отцу. Ваш брат Гонтер считал, что он проклят. Он сказал Зимронду, что погибнет в тридцать три года, в начале лета... так и вышло...

– Знаю! – рявкнул Рагнер. – Не устрашай тут меня!

– Я вам не лгу, Ваша Светлость. Зачем мне вас ныне гневить? Вроде бы Гонтер Раннор порой ощущал неприятный дух, мерзостную вонь, говорил, что за его душой придет сильный демон, и единственное, как можно ему помешать, – это призвать еще более сильного демона, верховного... Про монахинь мне ничего не известно, имели ли они отношение к Гонтеру Раннору – тоже неясно, может быть, и нет. Желтый крестоцвет появился у Гонтера Раннора в тридцать первом году, следовательно, в ордене он состоял не больше года – пока жил в Брослосе, а что делал в путешествиях... никто не знает. Более мне ничего не известно – дел у меня в державе и без вашего брата хватало...

Они оба замолчали на пару минут. Первым заговорил Кальсингог:

– В моем доме у Ордрё скажите госпоже Регине Ефлриг слова «Судный День» – и она передаст вам ключ. Его надо показать в банке Лимаро – принесут шкатулку, но в ней будет одна клятва – Зимронда Раннора. Клятвы вашего брата в банке нет.

– Понял тебя, – встал Рагнер на ноги, поднялся с кровати и Гизель Кальсингог. – Отсидишь, как я, все восемнадцать дней, – сказал ему Рагнер. – Потом – на волю. Сразу носи мне клятву брата. И цени мое благородство – усмирительной телеги тебе не досталось! А покрывало я у тебя заберу – я его проиграл и должен отдать семье везунчика. Тоже померзни...

На ходу сворачивая медвежье покрывало, Рагнер вышел из темницы.

«Орден» – от слова «порядок», это братство со своим уставом, особыми одеждами или знаками и, конечно, с особой целью ради того или иного порядка. «Порядок» – это расположение вещей, сил, ролей своего «Я»... Орден как почетная награда гласил о порядочности мужа, о верной расстановке в его разуме ценностей, норм и низостей, что в итоге и помогло ему добиться почта. Например, выигравший турнир рыцарь явно был силен, значит, тратил время на тренировки, не на гульбу, был добродетелен, раз судьи допустили его к состязанию, был учтив с дамами, раз никто из них не потребовал его изгнания, и был благочестив, раз Бог не забрал его жизнь. И за всё это полагался памятный знак, пропуск в круг столь же «порядочных» людей. «Порядочность» в общем смысле означала чистоту разума, гармонию плоти и души, правильную иерархию своего «Я». А что есть «правильно», уже решало общество, следовательно, иерархия «Я» могла иметь любой порядок, ценности, нормы и низости менялись местами, Дьявол мог стать для человека Богом, Бог – Дьяволом.

Единственным человеком, с которым Рагнер мог поговорить о демонах и тайных орденах, был Магнус Махнгафасс, брат Амадей в недавнем прошлом, священник из Элладанна по прозвищу «Святой». Они уединились в кабинете Рюдгксгафца, в квадратной зеркальной зале. За окном небо уже синело, наступал вечер, близилось обеденное время.

Магнус внимательно выслушал Рагнера и, неожиданно, его огоршил:

– Тот Арелиан Нулоа-о-Эзойн – самозванец, наверняка обдувала, тянущий золото из богачей обещаниями бессмертия или вечной молодости. А знаю я это точно потому, что сын Арелиана Нулоа-о-Эзойн – это я.

– Ты?!

– Как видишь, я просто человек: едва не погиб от ранения и простуды. Во мне не течет божья кровь, я не могу исцелять или творить чудеса. Много толков ходило о моем отце, его смерти, якобы колдовстве. Но я выяснил в точности все подробности гибели родителей: ничего загадочного в их смертях нет. Отец погиб в Элладанне. Сердечный перебой – и мой батюшка, весьма преклонного возраста, почил за пару минут. Матушка тоже была весьма слабого здоровья, скончалась через год... Не хочу говорить о себе – тот Амадей Камм-Зюрро из Толидо давно оборвал все связи с приемной семьей и прошлой жизнью... Повторяю тебе – магистр ордена обычный плут, и доказательства этому то, что Зимронд отрекся от клятвы, но никакие молнии его не сожгли.

– Ладно... Значит, весь орден – это плутовство, из Гонтера и Зимронда просто тянули монеты... Но... а как же сны Маргариты, как же красные глаза? Юродивый в Ларгосе вещал о красноглазом демоне в образе человеке, какому нужно наше дитя! Правда... он говорил о человеке из-за трех морей и, вообще, Йёртр обычно бредни несет... Но слишком много совпадений! Молящиеся прелаты? Епископ, действительно, молился сутки! И кто такой Ангел Смерти?

– Мне неизвестно об Ангелах Смерти – должно быть, мне, простому брату, этих знаний не открыли. Точно могу сказать одно: ангелы служат добру, служат людям, хранят нас, – бояться их не надо. О красных глазах я тоже ничего не могу сказать. Возможно, всё же это совпадение. Алые глаза часто рисуют в книгах, изображая демонов. Признаться, красные глаза – это первое, что приходит в мою голову, когда я представляю себе злобного духа. А то, что демону нужно дитя, так давно уж боятся прихода сына Дьявола, но, слава Богу, демоны не могут жить в младенцах – демонам нужна душа, иначе бездушная плоть их погасит. У младенцев же нет души.

– Даже верховный демон не может?

– Нет. Иначе он бы уж давно жил среди нас, тебе так не кажется?

– Прелаты?

– То, что епископ закрылся в молельне – это понятно: на небе была комета, и он молился до тех пор, пока она не исчезла. То же самое делали остальные прелаты и многие священники саном попроще.

– И Маргарита их видела! Почему?

– Рагнер, я не знаю почему... – задумался Магнус. – Постараюсь узнать, и если получится, то скажу тебе. Вполне возможно, что сильный демон и впрямь приходил – комета тому знак, и, возможно, даже приходил он к твоей супруге, но, я уверен, ему была нужна ее душа, а не ваше чадо. Наверно, он ее обманывал: демоны крайне изощрены в лукавстве. Возможно также то, что прелаты молились не именно о ее гибели, не о смерти для герцогини Раннор, а о гибели той, чью душу пытался получить демон: чтобы избавить несчастную от столь ужасной участи, как одержимость.

– А как узнать, одержим ли человек?

– Просто я не объясню. Есть ряд признаков, но все они могут оказаться ложными. Нужен гонитель демонов – он почувствует демона – их потянет друг к другу, будто два костра в поле, и демон заговорит устами человека. До того же первый признак такой: одержимый забы-

вадет что-то весьма важное, дорогое или, напротив, что-то страшное, – забывает то, что невозможно забыть. Именно в этом месте, в этом воспоминании, поселяется демон, сжигая душу огнем, а с ней и разум.

– Маргарита не может вспомнить, что ей наболтал бродяга в видениях! И имя Ангела Смерти вспомнить не может тоже!

– А еще она не может вспомнить, куда затолкала голубую рубашечку своей доченьки, – точна одержима!

– Магнус!

– Что? Рубашечка – это крайне важно для мамы! Какие там демоны – досадная мелочевка, а вот рубашечка... Ну хорошо: я всё, не гневайся, – улыбнулся Магнус. – Немного пошутил, но истина в моей шутке есть. Разве не было у тебя такого, что приснилось нечто любопытное, и ты думаешь, что не забудешь, а утром – как стерло из памяти? У меня такое было.

– Да, у меня тоже...

– Другие признаки одержимости еще более зыбки. Я не хочу тебе о них говорить и пугать тебя – не хочу, чтобы ты нашел их в Маргарите и надумал себе всякую чепуху.

– Вообще-то, – вздохнул Рагнер, – я в демонов не верю... Ладно, ты прав – чушь всё. Просто тревожусь за жену и дочь.

– То, что Маргарита призналась в общении с демоном, убеждает меня в том, что одержимости у нее нет. Демон не позволил бы ей говорить об этом с другими. Демоны твари тихие, скрытные, они не убивают носителя быстро, дают обманутому человеку срок лет в десять или немного больше, – иначе кто бы согласился впустить их в себя? Обнаруженными им быть опасно, ведь до исхода срока человеку можно помочь, можно освободить душу от нечистой силы, а демона отправить назад, в Ад, и заточить там. Я понаблюдаю... И, признаться, я более беспокоюсь о тебе. Ты куда как сильнее походишь на того, кто одержим либо проклят. Проклятья, чаще всего, тоже исполняют демоны.

Рагнер удивленно смотрел на друга, и тот пояснил:

– Ты из королевского рода – а вас часто проклинаят. И потом, все твои успехи... Невольно возникает мысль, что тебе помогает высшая сила, и я не уверен, что это Бог, но не уверен также, что нет. Тебе странности не являлись? Видения? Голоса? Запахи? Может, тебя трогал некто невидимый?

– Нет, – сам не зная почему, солгал Рагнер. – Ничего такого...

– Очень хорошо. Как я и говорил, демоны твари тихие. Чаще всего одержимые – это весьма не примечательные люди, – не такие, как ты.

На этом они закончили разговор. Магнус пошел закусить перед обедом в Большую гостиную, а Рагнер открыл шкапулку ключом, какой взял у любовницы Кальсингога, поднес пергамент со свинцовой печатью к зеркалу и прочитал клятву. Да, попади эта грамота в руки Экклесии и найдись под волосами Зимронда черный крест, того бы ждал костер без всякого суда...

Рагнер смотрел на свое отражение и видел старшего брата Гонтера: тот кружил его в зеркале – девятилетний крепкий мальчишка кружил семилетнего... Затем Рагнер вспомнил, как он и брат раз летом отправились в Ларгосе на охоту – ему было одиннадцать с половиной, а Гонтер приближался к возрасту Послушания, и жалел, что не сможет часто бывать здесь, в «милой глуши»: для него начиналась взрослая жизнь, подчиненная службе у рыцаря-наставника, их дяди-короля. Гонтер собирался стать рыцарем, спасти мир на Священной войне, ежедневно творить подвиги, остаться в памяти потомков как герой... Те три дня на охоте были одними из лучших дней в жизни Рагнера. Гонтер привез белого сокола, желтоклювого и желтолапого красавца-кречета, с каким не расставался. Пока прочие охотники подстреливали птиц из арбалетов, Гонтер учил младшего брата соколиной охоте и верному обращению с этой умной, благородной птицей. А в последний вечер охоты, летний, долгий, светлый вечер, они долго сидели у костра – болтали и смеялись, выпивая вино; когда темнело, молчали, глядя на жаркие искры,

уносимые ветром в сумрак. Где-то вдали слышалась квакающая трель козодоя; жаркий, влажный воздух леса одурманивал ароматами тысячи трав и мхов; сытые, счастливые собаки ластились, трогая ладони прохладными носами, норовили лизнуть от избытка любви и благости...

Тот сокол, кстати, улетел от Гонтера именно в Ларгосе, но спустя пять лет – кажется, уже после драки на Пустоши. Более Гонтер Раннор соколов не заводил, однако... желтый крестцвет в его гербе чем-то напоминал желтую лапу того белого кречета...

Рагнер сломал свинцовую печать, а пергамент бросил в огонь камина. «Ох, Зимронд, рыжая ты б...ь, надеюсь не узнаешь о моей доброте – сиди тихо, прячься, и дрожи... Позора семье хватает и без поклонения Дьяволу!»

Буквы исчезали в черноте, пергамент сворачивался, обугливался, затем вспыхнул. Искры взлетели вверх, к дымоходу, как и тогда, у костра... Рагнер вздохнул, взял кочергу и подвинул остатки пергамента глубже в огонь, а затем туда же бросил сломанную печать. После ему захотелось открыть окно и вдохнуть морского воздуха – он распахнул нижнюю раму решетчатого окна. Морозный ветер, как демон, тут же ворвался в теплый кабинет, погасив свечи и взметнув выше огонь в камине. Нельзя было найти более непохожий вечер, чем сегодняшней, на тот, далекий, согретый летом, последний вечер охоты в лесах у Ларгоса – тогда любовь Рагнера к Гонтеру достигла наивысших высот. Двадцать два года спустя она пала даже ниже отвращения – на самое дно гнилого болота – туда, откуда ей никогда уже не вернуться.

Рагнер стоял, глядя в темное небо и размышляя о том же, о чем думал после гибели Рернота – зловоние, ощущения, что за спиной кто-то есть, холодные прикосновения невидимой сущности, животный страх от этого касания и ужас на лице Рернота в последний его миг... Неужели и он, Рагнер Раннор, проклят точно так же, как его старший брат Гонтер?

Ночь Рагнер провел в часовне, один, как и Лорко. Однако никто там не скребся, никто его не трогал, зловония не ощущалось. С боем утреннего колокола, отругав себя, Рагнер поднялся в женскую половину дома и забрался в теплую постель к «своей сладкой соне» – Маргарита, как всегда, не проснулась; даже когда он ее поцеловал, лишь что-то промямлила и обняла его. Рядом с ней было так спокойно спать. В камине мирно потрескивали дрова...

Двадцать шестого дня Веры, третьего года, сорокового цикла лет, венчался на царство Эккварт Раннор. Церемония прошла в храме Пресвятой Праматери Прекрасной, длилась она весь дневной час Любви, и полудню в Лодэнии появились новые король и королева.

Но сперва по традиции Эккварт Раннор прибыл в Ксгафё, и там ему присягнули на верность многие рыцари королевства, в том числе и Иринг Мавборог, в том числе и Рагнер Раннор.

Затем две процессии, из Лодольца и Ксгафё, выехали к дороге Славы или Позора. Маргарита была в первой процессии, вместе с королевой Маргрэтой, королем Вирьэлмом и супругой Эккварта, Геллезой. Королева Хлодия, Алайда и Ольга из-за траура церемонию пропустили, но в королевской ложе храма положили на стулья их платья – вот такая лодэтская «чудоба»!

Короновали Эккварта Раннора долго – две триады часа, его супругу – всего триаду часа, причем, став королевой, Геллеза получила лодэтское имя – Олейза. Они были на балконе, на кафедре храма, и лодэтчане видели, что крест из божьей крови исчез с чела нового монарха – сомнений в его избранности не осталось ни у кого. Эккварт, похоже, переживал – был мертвенно-бледен и по дороге из Ксгафё к храму, и в нем самом. Затем, когда церемония закончилась и началась полуденная служба, он сразу порозовел.

Аргус получил печать канцлера еще в храме. Спустившись с кафедры к подданным, король Эккварт снял с себя цепь с Большой печатью, и повесил ее на господина Аргуса Нандига, припавшего на одно колено, поцеловавшего подол царской мантии и корону на царском жезле. После этого король Эккварт передал жезл Виву Цорлбору. На улицах раздавали лепешки, пиво и рыбу.

Летописец оставил такую запись в книге Истории:

«Эккварт Ра́ннор, второй сын короля Ортвина I Хитрого, урожденный от супружества лодэтского короля с Гэ́нной Богатой из рода королев Аттáрдии На́ррбатóртт, явился в мир тридцать седьмого дня Воздержания, двадцатого года, тридцать девятого цикла лет. Год рождения был високосным, что говорит о чрезмерном влиянии случая на его звезду. Так оно и свершилось – нежданно-негаданно его старший брат, кронпринц Зимронд Ра́ннор, утративший восстания как простого люда, так и своих рыцарей, бежал в Сандэ́лию – спас свою голову, но потерял уж вовек право на лодэтский престол; сам бросил державу под ноги младшему брату, сам оставил ему лодэтскую корону с двенадцати бриллиантах, сам передоверил Эккварту Ра́ннору участь всех своих подданных и ответ за них перед Нашим Создателем.

Эккварт Ра́ннор с честью принял власть. Начало его царствования не омрачилось ни казнями, ни гонениями, но отметились милованиями недругов и щедрыми пожалованиями для достойных. В возрасте восемнадцати лет, в начале своего возраста Посвящения, через день после Юпитералия, третьего года, сорокового цикла лет, Эккварт Ра́ннор и его супруга, принцесса Олей́за из рода бронтаянских королев Логóмм, венчались на царство в Бро́слосе. Детей у младого короля и юной королевы еще ожидается не случилось, ведь свадьбу они сыграли менее восьмидесяти лет назад. Вся Лодэ́ния ныне ждет драгоценного подарка – их сына – законного наследника короля Эккварта I, приемника царской власти, олицетворения конечного конца смуты и братоубийственных войн.

Король Эккварт I, новый властитель Лодэ́нии, появился на свет при растущей луне, оттого его Пороками стали Тицеславие и Гордыня, Добродетелями – Воздержание и Кропотливость. Его флегматичный гумор – холодный и влажный, как слизь. В металл ему досталась сера, отец всех металлов, его счастливые цвета – все коричневые оттенки. Рождение во втором лунном месяце Юноны обещает, что Эккварт Ра́ннор будет добрым семьянином, верным мужем, заботливым, будто мать, отцом – любящим отцом для всех своих детей-лодэтчан. Из-за заметного волнения при коронации и из-за последствия сей тревоги – белой бескровности на лице короля Эккварта I, простой люд незамедлительно дал ему прозвание "Бледный"».

Вот так Эккэ стал королем Экквартом I Бледным. Прозвище было не самым худшим, но и не почетным. Правителю предстояло благими деяниями поменять его, если он хотел войти в Историю под другим народным именем. А он хотел, очень хотел: Эккварт сам себе поклялся стать лучшим из лодэтских королей, столь же почитаемым всеми воинами, как его отец, Ортвин Раннор, и столь же обожаемым бедняками, как его дзэн Рагнер Раннор.

Гизеля Кальсингога даже не судили – новый король его помиловал за заслуги – за верное служение короне в течение долгих, непростых для Лодэ́нии лет, но приговорил его к изгнанию в имение за косвенное участие в подлом убийстве безвинного Угультриса Годи́лиира. (Лонкон Кавуг, кстати, умер своей смертью, так и не оправившись после мощного кулака графини Годи́лиир). Вечером тридцатого дня Любви бывшего канцлера выпустили из Вёо́фрца, дав ему пару часов на то, чтобы покинуть Бро́слос. В тот же вечер канцлер принес Рагнеру Раннору новую шкатулку и ключ от нее – Рагнер, конечно, сжег и этот пергамент, теперь с клятвой родного брата, – конечный конец очередной страшной, позорной тайны рода Раннор.

Но немного до того, уходя, Гизель Кальсингог сказал Рагнеру:

– Я искренне вас благодарю, Ваша Светлость, – за то, что на этот раз послушали глас рассудка. И у меня есть ценный для вас дар. Я умолчал о неких словах Гонтера Раннора, сказанных Зимронду Раннору, ибо не желал вас обозлить. И сейчас не хочу... Если вы не причините мне вреда, я их вам поведаю.

Когда Рагнер дал слово, «лысый свиристель» ему насвистел:

– Ваш старший брат, называя точное время своей смерти, сказал, что точно такая же участь ждет и вас, что вы оба прокляты, что вы оба умрете в тридцать три года. Я дарю вам ценное знание: время до начала лета этого года – две восьмидесяти с небольшим – это всё время, что у вас осталось.

Глава II

Лаверна

Меридианская вера гласила, что некогда среди людей жили боги, и было их великое множество. Они научили людей земледелию, наукам, искусствам и ремеслам, воинскому мастерству и укрощению зверей, а также любви, плотской и небесной... Много благого дали боги людям, сами же начали развращаться: несправедливо карать, бессмысленно бесчинствовать, похищать дочерей у отцов, жен у мужей, сынов у матерей да мужей у жен. Люди, наблюдая за ними, стали подражать божествам: почитать Пороки, пренебрегать Добродетелями. Даже когда все боги разом исчезли, люди до конца не перестали восхищаться удачью и лихостью, силой и мраком. Древние люди ставили идолов далеко не добрым богам. К примеру, бог Меркурий первоначально был безобидным богом земледелия, богом-кормильцем, – и превратился в покровителя хитроумия да обмана. В древнем мире ему поклонялись разбойники, торговцы и плуты. Меридианцы называли его именем самую быструю планету, что была дальше Солнца, Луны и Марса, но умудрялась быстрее их облетать Гео. Меркуриалий, празднество в честь этой планеты, посвятили искусствам (ведь бог Меркурий изобрел лиру), а еще ловкости тела. Но по-прежнему, искупая грех наживы, зрелища и угощения оплачивали для горожан торговцы.

Сатурн тоже первоначально был богом земледелия, далее – времени. Этот бог пожирал собственных детей, символом его был серп, как у Жнеца, как у Смерти. За то, что он убил и съел богов, после чего на Гео наступил Золотой век, меридианцы до сих пор праздновали Сатурналий – дни веселья и равенства в память о золотых временах. Богиня Диана – девственница и охотница, владычица трав и зверей, родовспомогательница и воплощение юной, непорочной, девичьей красоты, вдруг однажды стала, в том числе, Тривией – трехголовой богиней перекрестков, ночного ужаса и колдовских чар.

Такая богиня, как Лаверна, «родилась» у древних людей позднее – она выходила из тени, и пряталась в нее же; ее сопровождали волк и волчица, олицетворявшие душегуба и лупу, а иногда с Лаверной ходила стая волков – воров и бандитов. Ей поклонялись все те, кто вел темные дела, кто воровал, кто грабил, кто торговал своим или чужим телом, – те, кому было, что скрывать.

Здесь же стоит пояснить понятие «душегуб» – это такой убийца, какой неподобающе обошелся с телом убиенного, например, спрятал его, лишив ритуала успокоения и превратив душу в призрак. Кроме того, это растлитель и мучитель, губитель всего светлого, чистого, невинного в душах своих жертв. Меридианцы верили, что душегубы творили свои злодеяния, поддавшись нечистой силе – бесам или даже демонам.

Остаток второй триады Веры прошел тихо. Тихо, за исключением ора Ангелики – девушка росла, крепла, креп и ее голос – если она звала маму, то, пожалуй, ее слышал весь Брослос, да и Лидорос тоже. Маргарита не знала, как бы она справилась без Таситы – охотой до еды природа явно не обделила младшую герцогиню Раннор – та требовала молока и днем, и ночью, и не менее десяти раз за сутки. Зато Рагнер стал таким заботливым, таким внимательным, – позабыв на время про свои дела и делища, он проводил большую часть дня дома, в Рюдгксгафце, – играл с душкой-Айадой, играл с дочуркой Ангеликой, играл и с «любимой Грити» – никаких больше булок и слономедведок! Она даже стала подозревать его в измене, за что получила обиду мужа, легкую ссору и жаркое примирение.

А затем, с третьей триады Веры, грянули торжества – да одно за другим! Сперва венчались Энриити и Лорко, и едва все отошли от семидневного застолья – новая свадьба – уже Эорика и Марили. Далее наступило празднество Перерождения Воздуха, а его в Лодэнии почитали как второе после Возрождения празднество – и снова пировали так, что трещал дубовый

стол. В довершение всего в Лодольце прошла десятого дня Смирения свадьба Алорзартими Баро и принцессы Алайды, Слава богу, скромная, а то Рагнер уже не мог пить, пировать и играть в свадебного короля (да неужели!).

Вечером одиннадцатого дня Смирения «Хлодия» увезла герцога Раннора, его жену, дочку, кормилицу Таситу и ее дочку Нёяну, а также Енриити, Лорко и два десятка охранителей, из Брослоса в направлении Нолндоса. Путь туда лежал среди россыпи островков, оттого даже быстроходный парусник преодолел его за пять дней. Из-за поздней свадьбы Алорзартими и Алайды начало путешествия сильно задержалось, и Маргарите пришлось выбирать: голубое-голубое озеро Каолаол или «свинячье имение». Она выбрала свиней, Енриити тоже, вернее, она выбрала могилы родителей. Таким образом, они не попали Нолндос, до какого еще нужно было добираться по реке от портового городка Дробетоса, а прибыли в другой портовый городок – Уцомос в графстве Ормдц. От Уцомоса к побережью Банэйского моря шел широкий наезженный тракт, изобилующий постоялыми дворами. Укатали эту торговую дорогу до каменной тверди, лес вдоль нее вырубил, дабы разбойники не смогли нигде прятаться, зато летом на лугах паслись овечки.

Утром семнадцатого дня Смирения, в Уцомосе, пересели на лошадей, Маргарита и Ангелика заняли конные носилки, третьей в домике нашла приют годовалая Нёяна. Иногда к Маргарите туда забиралась Енриити, и бывшие мачеха и падчерица, весело болтали обо всем на свете – чаще всего о детях и мужьях. Легкий нрав Енриити оказался очень даже кстати в утомительном путешествии. Девятнадцатого дня ей исполнилось пятнадцать – и свой день рождения Енриити Мавборог, баронесса Нолаонт, встретила в постоялом дворе у холмов графства Ормдц, чему не ничуть не расстроилась. Снег в тех краях уж почти сошел, природа возрождалась; Лорко где-то нашел первоцветы и подарил любимой супруге трогательный букетик (Рагнулечка, я тоже хочу цветы!).

Двадцать первого дня Смирения они были в королевстве Ладикэ. Там, в портовом городе Ракодая, сели на роскошную галеру, присланную королем Иваром, и через три дня оказались в столице оною королевства, в городе со сладким названием «Ммёд».

Одно из самых малых королевств Меридеи, Ладикэ, жило за счет торговли. Все его города и городки раскинулись по побережью, за ними уже начинались холмы, за холмами – Веммельские горы, самые высокие горы континента. Города менее всего напоминали нарядные городки Сиренгидии: грязные порты, за городскими стенами – поселения ремесленников, за следующими стенами – дворцы аристократов. Ммёд, столица, лежал в устье реки Иолаики, то есть фиалки. Сам город Маргарита посмотреть не успела – галера довезла их по этой реке-фиалке прямо к королевскому замку, раскинувшись за Ммёдом среди живописных рощ и лугов. Замок же был больше Лодольца и походил на городок для девяти тысяч обитателей.

Гостили они у короля Ивара всего два с половиной дня. Ивар Шепелявый выехал к ним навстречу, к пристани, – высочайшая честь, какой удостоивались только короли или прелаты. Властитель Ладикэ, высокий, напоминавший лицом старого бойцового пса, недавно отметил свой шестьдесят третий год – достиг второго возраста Приобщения, и от «возраста старости» его отделяло всего два года. Зато ныне он не коверкал слова! Рагнер чуть со сходней не упал, когда тот, раздвигая ртом седую бородку, нарочито широко улыбнулся: на месте выбитых зубов выросло с десятков новых – белых и крепких.

– Одна жалость – трапезничать с ними нельзя, – пожаловался он Рагнеру. – Приходится снимать... Но какая красота! Я даже посвататься надумал – к принцессе Ольге, – с удовольствием улыбался король, словно не мог насладиться улыбкой.

– И не мечтай! Ей шести еще нет! – ревниво ответил Рагнер.

– Шучу, не пыли! Внука моего, Ореба, сватать буду. Это уже не шутка!

Рагнер промолчал. Уже позднее, ближе к ночи, когда Маргарита его спросила, почему он недоволен столь почетным сватовством, он рассказал ей про проклятье королевского рода

Люцглэш: при вторых родах их жены умирали в муках, принося мертвое в утробе дитя. Так умерли три супруги короля Ивара и две жены его первого сына, тоже Ивара. А Маргарита более всего удивилась тому, что, кажется, все властители Меридеи имели то или иное проклятие: проклятье Красного Короля у Кагрсторгов, проклятье вторых рождений у Люцглэшов, да и у герцогов Лиисемских будто бы было проклятие смерти имени и рода, причем от отца Ивара Шепелявого к Альбальду Бесстрашному.

– Родился почти сразу же Альдриан, и в проклятье не поверили, – заканчивала она рассказ, – но более ни сынов, ни дочерей у герцога Альбальда не удалось. И первая супруга не подарила Альдриану детей, а вторая лишь одну дочку Юнону, причем первая их дочь умерла.

– Возможно, проклятье и впрямь есть... – вновь удивил Маргариту Рагнер.

– Ты же не веришь в проклятья?

– Не то что бы... Я не верю в проклятые ценности... но некоторые проклятия, вдруг... это правда? Магнус мне сказал, что вроде как демоны их исполняют, безмолвные, не как у одержимых. Мол, если проклятый тебя проклянет, то его демон с радостью исполнит задание через тот или иной срок. Вот только одно: давая проклятие, ты и себя одновременно точно так же проклинаешь – хуже можешь проклясть. Выходит, Ивар Лысый, отец моего брата Ивара, убил и свой род тоже...

– Рагнер! – испугалась тогда Маргарита. – Я тебя не узнаю. И эти разговоры... они страшные. Даже говорить не хочу более ни о каких проклятиях!

Он же улыбнулся, поцеловал ее и «уволок на ложе», исключительно ради того, чтобы не болтать о проклятиях!

Двадцать пятый день Смирения стал днем отдыха от дороги. Днем король Ивар показывал гостям свою гордость – зверинец. Они гуляли по парку, в каком находились домики для животных, иногда загоны, иногда просторные клетки, иногда рвы. Маргарита не расставалась с дочкой – несла ее на руках и показывала Ангелике диковинных тварей: клыкастых вепрей, грозных медведей, волосатых зубров, величавых рысей, крикливых обезьян, роскошного леопарда, колючего дикобраза, стреляющего во врагов иглами! Но больше всего Маргариту поразила лев – он ничуть не походил на ту милую зверюшку, какую она видела в детстве на ярмарке в Бренноданне. Лев оказался таким огромным! Он съедал целую овцу за два дня, бил хвостом точно плетью и рычал так раскатисто, словно гремел гром. Его гривы, казалось, хватило бы на ковер, если не на два. А львица, напротив, не впечатляла – кошка себе и кошка, просто чересчур огромная кошка.

Рагнер и король Ивар шли немного поодаль ото всех и что-то обсуждали. Маргариту, Енриити и Лорко развлекали беседами два сына короля и его внук. Старший сын, кронпринц Ивар, являлся в свои без малого тридцать шесть лет дважды вдовцом, имел сына Ореба, а первый его сын, тоже Ивар, погиб менее года назад от потливого недуга – горячки-потницы, сжигающей заболевшего ей всего за сутки. Ореб тоже болел потницей, но, к счастью, лекари его выходили.

Кронпринц Ивар был высок, как его отец, да столь тучен, что напоминал гору – золотисто-парчовую гору, посыпанную цветными бриллиантами. Еще Маргарите запомнились его длинные, прекрасные, рыжевато-солнечные волосы. Кронпринц Ивар излучал жизнерадостность, оглушительно и заразительно смеялся, очаровывал галантностью и пленял сердца бесподобным голосом. Вчера вечером он взял арфу и исполнил для гостей несколько песен – Маргарита и Енриити заслушались, Рагнер и Лорко взревновали.

А десятилетний Ореб, сын кронпринца Ивара и внук короля Ивара, производил весьма неоднозначное впечатление – высокий для своего возраста, хилый и нескладный, не обладавший ни слухом, ни голосом, ни какими-то иными явными талантами, не умевший очаровывать, да будто бы и не желавший нравиться вовсе. Приятным или благородным его лик точно

назвать было нельзя: крупный нос, впалые щеки, тяжелый подбородок, страдальческие, как у Огю Шотно, темные глаза и сальные темные волосы. Иногда, слушая рассказы старших, принц Ореб громко восклицал, повторяя на свой манер их слова – всегда одно и те же – «Убить! Да, убить!» или «Сжечь, да всех сжечь!». При всем при том, как его отец шепнул гостям, Ореб ненавидел охоту и не убил еще даже воробья – «куда там до перепелки!». И самое поразительное: малолетний принц подражал своему кумиру – Рагнеру Раннору – носил только черную одежду и звал себя Ладикэйским Дьяволом. Рагнер же от такого отражения в восторг не пришел, более того – о многом задумался.

Второй сын короля Ивара, десятилетний Ирнальф, ровесник Ореба и уже жених орензской принцессы Милирены, внешне походил на отца: выпуклые голубоватые глаза, русые волосы, короткий нос, тонковатые губы. Кушал он как старший брат – много и увлеченно, тем не менее не толстел, поскольку днями напролет занимал себя фехтованием, верховой ездой, плаванием, бегом, – крепкий и сильный, он обещал стать доблестным воителем, достойным деда и отца.

От первого супружества у короля Ивара родилась дочь, Ариана. Она замуж выходить не захотела, а предпочла удалиться в монастырь и там отмаливать грехи своего рода. В каком монастыре она ныне пребывала, как жила и чем жила, кроме молитв, родные не знали лет уж как двадцать пять.

Рагнер решал в путешествии дела семейные и державные. Король Эккварт и король Вирь-элм так поладили, что затеяли создание торгового союза, Восточного союза. По их задумке, в него должны были войти Бронтая, Лодэния, Ладикэ с кантоном Сиренгидия, королевства Южной Леонии и Оренза. Отдельно требовалось согласие герцога Лиисемского, властителя практически независимого герцогства, печатавшего свою золотую монету и имевшего многочисленные порты на юге, откуда шел товар на остров Мисзоль, затем в Сольтель. Мисзоль был тем же на юге, что Утта на севере, – островом-рынком, но с особенностями. Принадлежал он Святой Земле Меридиан, торговали там без пошлин вовсе, охраняли в городах порядок воины-монахи, там не было женщин вообще, завоевал его, изгнав безбожников, Мисзольми Баро, дед Адальберти. Остряки прозвали Утту «Великим Лупанаром», Мисзоль – «Великим Монастырем». Однако даже самые наизвратнейшие из развратных купцов юга устремлялись в Великий Монастырь за золотом и серебром Экклесии. Словом, Восточному союзу Лиисем был жизненно необходим в противостоянии с недавно заключенным Западным союзом, союзом сверхдержавы Санделии и островной Аттардии. Вчера вечером Рагнер передал брату-Ивару послание, сегодня днем, прогуливаясь по зверинцу, они обсуждали грандиозные замыслы двух королей.

– Санделианцы и аттардии не оставили нам выбора, – говорил Рагнер. – Аттардийский Лис прямо и, как обычно, улыбаясь, заявил Зимронду, что они в своем Западном союзе, чертовом сношении слона и единорога, уже всё решили: Аттардия продает шерсть и сталь, Санделия – сахар и роскошь, Лодэния – пушнину и жирную рыбу из Малой Чаши, то есть никаких сплавов из Бронтаи и шерсти из Лодэнии. Лодэтский король должен создать склады, обязать подданных нести только туда всю шерсть, а аттардии приплывут и всё скупят – выгодно для короля скупят, владельцев пастбищ тоже не обидят, но что будут делать наши ткачи, шерстобиты и куча кто еще? С голода должны подохнуть? А вокруг санделианскими товарами всё и без того уже завалено!

– Как я понимаю, король Эккварт не согласится на эти условия, – ответил король Ладикэ. – С чего ты тревожишься за ткачей и шерстобитов?

– Это еще не всё. С каждым из королевств их союз заключит свой договор. Они делят нашу Меридею, и я знаю, как будет дальше: потом пойдут новые условия, новые и новые требования! Они втридорога продадут нам сукна из нашей же шерсти! Будут всем заправлять, всё

распределять, станут королями над королями. Без Ладикэ никак не дать им твердого отпора: лишь брыкаться. Твои порты, Утта, золото и медь Сиренгидии, – без всего этого аттардии прижмут хвосты, санделианцы спрячут бивни.

– Рагнер, пойми, я не желаю входить ни в какие союзы, принимать любую из сторон, – качал своей большой головой пожилой король. – Мое королевство процветает, благодаря торговле запада и востока, а Аттардия так опасно близко от острова Утта!

– Мы обещаем тебе защиту. Я обещаю! Аттардии не свяжутся с Лодэтским Дьяволом.

– Мои порты не желают терять ни кораблей аттардиев, ни санделианских галер. Они тогда найдут другое место для торговли, не Утту.

– Ну и пусть! Без них обойдемся. Сначала будет сложно, но затем ты только выиграешь. Никуда они не денутся – приплывут в твои порты на зов золота. Санделианцы одного хотят – чтобы Лодэния объединилась с ними против Бронтаи, после они нападут. А Лодэнию ждет новая братоубийственная война – Хамтвиры ведь союзники короля Бронтаи. Спустя цикл лет всё вернется к зачину – Тидия, Орзения, Ула и Морамна вгрызутся друг другу в глотки! У нас нет выбора! Ну а ты, чего жадничаешь? У тебя же Сиренгидия теперь есть! Оренза дань тебе выплачивает! Золота у тебя – через край!

– Это не жадность, просто золота много не бывает. Да и я должен ежегодно отдавать Лодэнии почти два таланта золота – это почти пятнадцать тысяч золотых монет! И так целых пятнадцать лет подряд! Я бы сказал, что это Лодэнии легко пережить любые трудности, Бронтаю тоже можно понять... Рагнер, ты мне как сын – я сразу отказал бы любому другому. Так давай поступим: ты договорись сперва с Орензой и Лиисемом, а затем, на твоём обратном пути, вернемся к этому разговору. Я всё хорошо обдумую.

– Думай, Ивар, иначе слон с рогатым конем и до тебя доберутся – сперва нас, возможно, затопчут, но и до тебя доберутся! Остров Утта и впрямь так опасно близко от Аттардии, а их остров, их кит-убийца, так нескромно разинул пасть на Сиренгидию!

Двадцать шестого дня Смирения Рагнер и его гости взошли на галеру, любезно представленную королем Ладикэ, и, уже нигде не задерживаясь надолго, к сорок первому дню Смирения прибыли в Калли: миновали Сиренгидию и все города Орензы, раскинувшиеся по берегам полноводной реки Лани. Галера эта была длинна, быстра, имела два косых паруса, места для гребцов под верхней палубой, на носу – надстройку с тремя пушками, на корме – надстройку с тремя удобными спальными каютами и одной парадной залой. Были в каютах и балкончики, и отдельные уборные, и застекленные окна, и даже печки. Словом, речное путешествие выдалось удивительно приятным.

Реондани, «Водные ворота Орензы», восстанавливали, как Рагнер и говорил. Более это место не напоминало выжженные развалины – возводили новые городские стены, крепости, портовые пристани; скоро временные жилища строителей сменят добротные дома, заработают рынки и храмы. В Бренноданне Рагнер передал послание для короля Эллы, думая обсудить его на обратном пути – если он договорится со своим главным врагом, имевшим личную обиду, с герцогом Альдрианом Лиисемским, то будет проще договориться и с королем Эллой VIII. А там и Ивар к ним присоединится – все вместе они поставят наглых аттардиев на место, все вместе изгонят санделианцев. Против аттардийского единорога и санделианского слона выступят бронтаянский медведь, лодэтский водоворот, ладикэйский дуб, орензская звезда и сокол Лиисема. Наверняка к этому странному войску присоединятся орлы Лодвара, горы Нибордажда, черный волк Дертаи, акула Ламноры и сольтельский щит Нибсени. Еще Рагнер воевал за Лаа́рснорсда́жд и за герцогов Верхней и Нижней Пбдений – может и их удастся примирить с соседями да объединить? А род Альдриана Лиисемского происходил из вождей Антолы...

Калли славился в Орензе как красивый городок у водопадов и двух горных озер, но и туда путешественники не поднялись – направились по горному ущелью к долине до крепости

Тронт, оттуда – в Нонанданн. У него торговая дорога разветвлялась на две: на юг, к Элладанну, и на запад – к Лувéанским горам, затем к Мартинданну, а кроме того – к деревне Нола́ у самой границы двух герцогств, Лиисема и Мартинзы, к «свинячьему имению».

На исходе шестого дня Нестяжания, на исходе дня рождения Маргариты, она обняла своего дядюшку Жоля, подруженьку Беати и братьев, Синоли и Филиппа. Путь занял всего ничего: сорок один неполный день.

«Свинячье имение» преобразилось. Как Жоль Ботно и обещал, он «насотворивал чудесов»: залатали крышу, укрепили забор, отскоблили доски, побелили стены, заменили ставни; плущ живописно потянулся к крыше, виноградная лоза обняла решетчатые шпалеры у окон первого этажа... Более это место не напоминало убогие, разваливающиеся постройки, но навало мысль об уединенном островке, созданном для тихой семейной жизни. Вид поутру из окон, на зеленые холмы и синие, дымные горы, невольно заставил влюбиться в этот край. Еще оказалось, что прежний владелец имения задумывал деревянный дом как временное жилище, а немного выше, уже среди леса, заложил фундамент для замка, там же посадил фруктовый сад – и деревья как раз начали плодоносить: яблони, сливы, груши, вишни, персики, миндаль, инжир, гранат и любимый Маргаритой тутовник! В лесу еще притаились заросли малины, крыжовника, земляничные и цветочные полянки; у деревни выращивали виноград. По осени делали вино, его же продавали по весне.

Единственное, что заставило Маргариту плакать – ее любимица, пегая и голубоглазая Звездочка, умерла зимой. Дед Гибих тоже почил в вечности – через триаду и три дня после кобылы – встал из-за стола, да и рухнул замертво.

– Им на старостях лет всё ж таки свезло, – успокаивал Маргариту дядя Жоль. – Не всем людям так свезти могёт, дочка...

Старший брат Синоли ничуть не изменился – приятный лицом, веселый, русоволосый и уже загорелый. Беати, хоть видно этого еще не было, ждала второго ребенка. Сказала, что сразу понесла, как две восьмиды назад перестала кормить грудью. Их дочке, маленькой Жоли – темноволосой и белокожей (не смугленькой, как Беати), восьмиду назад исполнился год. Красавица-Жоли уже ходила, болтала, всё подряд кушала, всё деловито трогала. Беати привязывала ее к себе за руку, как собачку на поводке, либо к чему-то в доме – иначе невозможно было уследить за этой бойкой девчушкой: то она спокойно играла в уголке, то в следующее мгновение лезла в окно, увидав птичку. Маргарита подумала, что это умно, конечно, но она сама Ангелику ни за что не будет привязывать.

Младший брат Филипп вытянулся – в свои двенадцать стал одного роста с Маргаритой, еще он излишне поправился, уплетая всю зиму варенье без меры; верхом на лошади скакать не научился, как и плавать. Рагнер, осмотрев его, осуждающе покачал головой. Четыре борзые собаки Ортлиба Совиннака освоились в имении, белоснежная Альба дала себя погладить, хозяйном же признала Лорко – ела у его ног, ластилась к нему одному, слушалась его команд. В гостиной висели портреты стройного Ортлиба Совиннака и его первой супруги – точь-в-точь Енриити. А между портретами стоял аляповатый замок-часы с розовой принцессой. Чудной дамский шкафчик, напоминавший толстую разносчицу, утром перебрался в спальню Рагнера и Маргариты (Лорко боялся его головы). Ну а дядя Жоль выглядел счастливым, остался толстым и добрым, бородку вновь отпустил – теперь она росла седоватой, клок волос на лысине он прятал под неизменный синий колпак, колдовал в кухне, как и прежде, маринуя фрукты и засахаривая в меду овощи. Рагнер высоко оценил его затеи: и чесночные яблоки пришлось ему по вкусу, и приторно-сладкий уксус с хреном, и пастилки из одуванчиков.

Маргарита показала родным свою «восьмидесяти шестидневную Ангелику» (она уже ножки поднимает и хватает за нос!). Все ей восхитились – младшая герцогиня Раннор такая очаровательно-кроткая крошка! «Крошка» же, насмотревшись на родню, проголодалась и разоралась на все Лувéанские горы!

В Элладанн Лорко, Енриити и Рагнер собрались к Меркуриалию. Филипп упросил взять его с собой. Так, отдохнув шесть дней с дороги, бегло осмотрев окрестности и «замок в лесу», тринадцатого дня Нестяжания, они вчетвером (и в сопровождении десятка охранителей) покинули имение. Маргарита, Ангелика, Тасита и ее годовалая Нёяна остались их ждать вместе с дядей Жолем, Синоли, Беати, Жоли и еще десятью охранителями. Тогда-то Маргарита захотела получше обозреть деревню, найти дом Иама Махнгафасса, своего первого мужа, и увидеть, что бы ее ждало – чего она так страшилась и от чего ее миловало провидение.

Угодья баронства Нолаонт включали в себя часть леса и горной реки, зеленый холм, на вершине которого встал господский дом, виноградник и деревню Нола пятьдесят один двор. В ней обитателей насчитывалось триста двадцать семь землеробов. Еще там наличествовало девять домов свободных землеробов. Стадо свиней, коричневых, щетинистых хрюшек, расплодилось при дядюшке Жоле до более чем семидесяти пятачков. Паслись они день в лесу, на огороженном участке, и с закатом юноша-свинопас загонял их в хлев. Раньше эту работу делал Иам.

Деревня оказалась весьма и весьма большой. У всех домов, за невысокими оградами, раскинулись просторные земельные участки: каждая семья выращивала то пшеницу, то лен, то рожь, то всё сразу, а кроме того, овощи – капусту, репу, редьку, редис, лопух, сахарный корень, морковь и зеленый горошек. Молочный зеленый горошек как раз созрел, и сильване то и дело угощали герцогиню Раннор охавками стручков. Она пригласила их завтра к себе в дом – дядя Жоль по благодареньям устраивал службу для землеробов и замещал собой, как мог, священника – читал молитвослов и «грешным делум проповедьявал спустеньку», а признательные сильване приносили гостинцы: яйца, хлебные лепешки, сыр, молоко или сливки. Словом, устроились Ботно в имении «экак посередь роз и облаках Элизию, дочка».

Домика Иама Маргарита не нашла: Огю Шотно успел его продать – и дом увезли на телеге через реку (!), в соседнюю Мартинзу. Дядя Жоль пояснил, что за виноградником течет протока, ныне обмелевшая до ручейка (и мост, дочка, не нужен вовсе!). Зато выше, в лесу, имелась глубокая долина с горной рекой Аэли и чистой водой. За той рекой кончался Лиисем вместе с их имением, и там жил злой граф Винси Мартиннак, вернее, жил он у города Гайю, в замке на горе, охотился в этих лесах и «убивал всякогого лиисемцу», кто переходил реку. Сам же граф реку переходил, и никак его было не прогнать!

Городок Гайю лежал в трех-четырёх часах от деревни Нола. Там находился храм, мирской суд, ремесленные лавки и рынок, но из-за злого графа местные туда носа не совали: если требовалось что-то купить или сбыть отправлялись в Нонанданн (шесть дней повозкой), если хотели подать в суд – в Элладанн (еще два-три дня), если успокоить душу усопшего – на юг, к монастырю Святого Бренно (четверо днёв трястися да виться меж холмой и горою, дочка, зато никакого Винси, Боже прости, Мартиннака).

Благодаренье первой триады Нестяжания было для Маргариты памятным – ровно два года прошло с ее позора на Главной площади Элладанна, издевательских стишков Блаженного и казней, в том числе казни Арвары Литно – преступницы, забитой плетью насмерть за прелюбодеяние да по ходатайству ее мужа, Семи Литно. Удивительно, но Семи Литно, свободный землероб, жил в деревне Нола, и в благодаренье Маргарита его увидела: невысокий, жилистый, непримечательный. Он ныне вновь женился – на вдове с тремя детьми, имел крепкое хозяйство и выглядел счастливым. Маргарита не смогла не спросить его о прежней супруге и услышала:

– Арвара, душанька моя, верною жаною мне бывалася, да вот с розумом у ее худо стало, как детёв всех троих стеряли. Говорит мне: « Живали мы себе, Семи, во греху великому – добро сберегали, душою торговали». Связи, мол, меня до Элладанну – до суду тамошнему. Об мене не жалей – я в Раю прибудуся, в свету Божьему, а тебе Небеса всё воротят – и жану, и детёв всех – любви их, как нашанских...

За исключением этой встречи, благодаренье прошло в спокойствии и сытой безмятежности: так много всего дядя Жоль и Беати настряпали и столько всего сильване нанесли, что даже десять охранителей и четыре борзые не справились за день с яствами. Последующие семь дней до Меркуриалия тоже ничем не удивили. Потворствуя своему Пороку Лениности, герцогиня Раннор просыпалась поздно, зная, что дядюшка Жоль присматривает за Ангеликой, а Тасита покормит ее дочурку, если понадобится, – казалось, что уж где-где, а в этой благодатной, горной глуши не может случиться ничего страшного – как максимум единственный на всю деревню бык даст рогами в забор.

Ангелика в отсутствие Рагнера научилась переворачиваться со спины на живот и забавно пыхтеть, опираясь на кулачки, чтобы приподняться. Утром первого дня Меркуриалия, освобожденная от своих лент, она впервые заползала по кровати – неумело, но с удивительным упорством. Маргарита, глядя на свое чудо, поражалась тому, что ее дочка, так тихонько сидевшая внутри нее, ныне столь смела, требовательна и громогласна.

Первый день Меркуриалия, праздника искусств и ловкости, отметился комедийной постановкой с участием дяди Жоля, смуглой красавицы Беати, обаятельного Синоли и усердной Таситы, заучившей текст наизусть и впервые снявшей траур. Маргарита, покачивая Ангелику, переводила лодэтчанам-охранителям слова – те смеялись то ли над ее речами, то ли над действием, но главное, все веселились. Годовалая Жоли порой срывала игру лицедеев – забавная девчушка выбегала «на сцену», желая получить свою долю овец. Ее ровесница Нёяна, напротив, лизала леденец, не интересуясь ничем более.

Сценку придумал Синоли. Она была о том, как две сварливые соседки сначала попали на Небеса, но там снова жить рядом не захотели, и тогда ангел-Синоли сослал их обеих в Ад, где Дьявол, дядя Жоль в красной маске, нестрашный и смешной, никак не мог найти им наказание, а в итоге две дамы довели его тоже, – утомившийся от их ругани «Дьявол» вернул соседок назад на землю, сделав мужем и женой.

Во второй день праздника орензчан развлекали лодэтчане – они показывали трюки с картами, выкрутасы с ножами и другие чудеса ловкости. Сразу после Меркуриалия, двадцать пятого дня Нестяжания, отпраздновали двадцатилетие Синоли. Снова пиршествовали, танцевали и веселились...

Тасита более черный траур не надевала, дядя Жоль побрился, избавившись от седины и значительно помолодев. Еще он вдруг озаботился своим чрезмерно лишним весом: перестал есть сладкое, закусывать после заката и по ночам. Вместо этого, он поутру уходил в лес в поисках первой земляники – угощал сперва Таситу да ее дочку, и уж только потом всех остальных. Маргарита поделилась своими наблюдениями и опасениями с Беати – всё-таки дядя Жоль был женат, пусть и не жил с теткой Клементиной, за Таситу же герцогиня Раннор держала ответ как за свою служанку. Беати посоветовала ей оставить дядю Жоля в покое – мол, Тасита уедет вскоре, а он хоть похудеет.

Утром тридцатого дня Нестяжания, перед вторым для Маргариты благодареньем в имении, дядя Жоль привычно отправился за земляникой. И вернулся с пустым лукошком, зато с двумя странниками – мужем и женой из Санделии. В Лувеанских горах находилось аж сорок восемь монастырей с чудотворными статуями. Странники, если шли с юга на север, начинали свой путь с Санделии, затем по горным тропам держали путь в княжество Баро и Святую Землю Меридиан, далее двигались по долинам Санделии, ущельям Мартинзы и холмам Елеста до Идерданна, обходя Лиисем дальней стороной из-за высоких южных хребтов. Причем шли странники пешком, а те, которых привел дядя Жоль, путешествовали на лошадях – из-за них, видимо, бедолаги и сбились с пути. Дядя, разбудив Маргариту, попросил ее ему помочь

– странники говорили по-меридиански, он же изъяснялся на нем с трудом. Женщина сильно пострадала: упала с лошади и скатилась с холма к реке Аэли.

Когда, наскоро одевшись и покрыв голову скромным белым платком, Маргарита спустилась в гостиную, то увидела там лежащую на скамье даму. Она была без сознания, ее темно-синее платье выпачкалось в глине, из-под голубого платка выбились пряди смолянисто-черных волос. Возле незнакомки хлопотал хорошо одетый, кудрявый мужчина, черноглазый и такой же черноволосый, как его спутница. Он протирал ей виски уксусом, шлепал ее по щекам и что-то горячо тараторил на санделианском.

– Господин Сангуинём Митэро, адвокат, – в волнении представился он. – Я и моя несчастная супруга, госпожа Акантха Митеро, мы странствуем по монастырям с единой просьбой к Богу – подарить нам чадородие. Держим путь в Идерданн, к статуе Святой Майрты. Но, похоже, пошли неверным путем еще от побережья. А тут еще столь ужасное бедствие, ужасное, ужасное!

И Сангуинем Митеро грохнулся перед Маргаритой на колени, запричитал, перемешивая санделианские и меридианские слова да порываясь поцеловать подол ее платья. Он умолял спасти его жену.

– Но... я не знаю, что делать, – ответила Маргарита. – Здесь рядом город Гайю – там точно есть лекарь...

Сангуинем Митеро было привстал, но опять свалился ей в ноги и жарко затараторил, умоляя дать приют его жене, пока он съездит за лекарем. Отказать Маргарита не смогла, да и не видела причин для подобного жестокосердия. И как истинная меридианка она взяла опеку над несчастной: когда Сангуинем Митеро отъехал, попросила дядюшку перенести даму наверх, на кровать в ее спальне, и принести воды с вином.

В своей спальне Маргарита сняла грязный платок с головы Акантхи и протерла ее лицо. Черные, немного волнистые, лоснящиеся волосы выглядели бесподобно, да и сама дама была весьма хороша собой. Широкие брови, немного широкий нос и широковатое лицо у другой бы превратились в недостатки, но у этой незнакомки они гармонично соединились в нечто приятное. Природа одарила ее деревенской, простоватой красотой, при всем том ей хотелось любоваться; ее несоразмерно полная нижняя губа говорила о сладострастии. На вид Акантхе было лет двадцать шесть, может, больше.

Неожиданно, пока Маргарита ее разглядывала, незнакомка открыла глаза – серо-голубые, однако... ее расширенные, вопреки яркому дню, зрачки были словно безлунная, колдовская ночь. Такие выразительные очи звали сокольими.

– Как вы? – ласково спросила Маргарита на меридианском. – Вы упали с лошади к реке, – так ваш супруг сказал. Он уехал за лекарем, а вас принесли сюда, в особняк у деревни Нола... Меня зовут герцогиня Раннор... дама Маргарита.

– Так голова гудит, – слабым голосом прошептала женщина. – Я вас, Ваша Светлость, с трудом вижу – всё расплывается...

– Дама Маргарита – называйте меня так.

– Превелико благодарю, милостивая дама Маргарита...

– Не стоит – пустяки, никаких хлопот. Может, вы пить или покушать желали бы?

– О, не желаю быть обузой. Лучше мне встать, – попыталась приподняться Акантха.

– Полежите еще, – опустила ее Маргарита на подушки. – Поспите, если желаете. Ваш супруг и лекарь будут не раньше, чем часов через шесть – как раз к обеду. Давайте я помогу вам снять платье – его приведут в порядок.

– Вы столь добры... и столь прекрасны, словно Ангел Божий...

Маргарита улыбнулась, ничего не ответив, но похвала была ей приятна. И еще она чувствовала необъяснимую симпатию к этой едва знакомой женщине. Когда Акантха в знак признательности поцеловала ее руку, Маргарита смутилась и порозовела.

– Не стоит... – повторила она. – Никаких беспокойств...

Серьезных ушибов не виднелось на теле Акантхи, следов крови на ее одежде тоже, однако, когда Маргарита вернулась с завтраком в свою спальню, странница уже спала. Оставив поднос на столике, она тихо вышла и направилась в детскую, к дочери. Там была не только Тасита, но еще и Беати.

– Странное это, – сказала Маргарите подруга. – Цельный год здесь не было ни гостей, ни странников, а тут – сандельянцы!

– Чего странного? Санделия с другой стороны гор... Даже в Ларгосе есть семья санделианцев – и никому странным это не кажется! А недалеко же монастырь Святого Бренно.

– Да, но монастыря без статуи, и странникам до него интереса нету. Грити, тебе решать – мы в этом доме не хозяйява, но будься этак – я бы их ночью не оставила. Мы их не знаем!

– Но меридианцы должны давать приют странникам – это наш долг. Да и как их в ночь отправишь по горным тропам? Беати, не пугай меня напрасно... С нами десяток охранителей, а странников всего двое... И, вообще, нельзя думать о людях плохо, лишь потому что ты их не знаешь. Сегодня мы поможем, – поцеловала Маргарита Ангелику, – а завтра нам. Я это как никто поняла – что мы бы делали без Лорко. А ведь я его до отвращения ненавидела!

– Вот что я тебе скажу, подруга, – ответила Беати, – хорошей человек завсегда простак... Простак – затем что дурак!

– Я не дура! – разозлилась Маргарита. – И не дурёха... просто добрая, а ты, Беати, ты, ты... Ты двери не закрываешь в кладовую!

Высокая смуглянка возмущенно фыркнула и вышла, хлопнув дверью.

Поругавшись с лучшей подругой, Маргарита не находила себе места, а мириться первой не позволяла гордость. Да и виноватой она себя не считала. Беати же дулась – ни слова не сказала, когда принесла Маргарите второй завтрак на балкон, а затем чистое и поглаженное платье Акантхи.

Деревянный особняк, в каком они жили, устроился на невысоком холме, с одной стороны ограждался забором – там, во дворе, находились амбары, хлев для свиней, конюшня, сеновал, баня и другие постройки, нужные для хозяйства. Над воротами ограды высилось подобие надвратной башни – будка для стражи. Первый этаж дома занимали гостиная, небольшая обеденная, кухня, столовая для слуг; весь второй этаж отдали под господские спальни, чердак – под спальни для прислуги; в каменном подвале хранили вино и припасы.

Восточной стороной особняк смотрел во двор и на деревню, западной стороной – на очередной холм, у подножья густого горного леса. Высокие деревья изредка росли и на том холме. С западной стороны на первом этаже дома окон не имелось, зато вдоль второго этажа протянулся просторный проходной балкон под навесом. Солнце там не жарило – и в этот по-летнему знойный день именно на балконе уединилась Маргарита. Сперва она играла с дочкой, потом Ангелика заснула в переносной колыбельке, и Маргарита, полулежа на дневной кровати, с раскрытым на коленях романом, любовалась живописным видом бесконечных горных волн и тосковала по Рагнеру – вот бы он приехал, но нет – раньше середины третьей триады Нестяжания его возвращения ждать не стоило.

Все спальни имели выход на балкон. В какой-то момент дверь спальни Маргариты открылась, и из нее словно вышла богиня древних – Акантха в одной белой сорочке на ляпочках – черноволосая, по-дикарски красивая, столь пленительно полубогаженная... Ее облик вызывал видение залитых солнцем виноградников, черной плодородной земли и необузданной южной страсти. Она так подходила этому краю, месту и дому.

Маргарита с удивлением таращилась на нее, почти голую – сквозь тонкое полотно сорочки отчетливо просвечивали темные соски острых грудей и темный треугольник у про-

межности. Акантха же с удивлением посмотрела на Маргариту, будто впервые ее увидела, затем она глянула на колыбельку с Ангеликой, далее обвела своими соколиными глазами горы.

– Ааа... – подала голос Маргарита, – а... одежда ваша, госпожа Митеро, уже в порядке. Она там, – показала Маргарита на спальню Таситы. – Там нет никого, а из леса кто-то может появиться... вас увидит...

– Простите любезно, прекрасная госпожа, но кто вы и где я? – спросила Акантха.

– Это имение Нолаонт, а я – дама Маргарита, герцогиня Раннор, – вздохнула Маргарита. – Ваш супруг отправился за лекарем – и скоро должен быть здесь: обеденное время близится... Не помните даже как с лошади падали?

– Я помню лишь то, как мой любомудрый муж-адвокат трещал без умолку, ругая всё и вся вокруг за то, что это он заблудился. Я закрыла глаза, думая: «Немного, и если ты, дурак, не заткнешься, то моя голова треснет, как старый колокол!»

– Дурак? – удивилась, но и улыбнулась Маргарита. – Так о супруге говорить вряд ли стоит с малознакомыми людьми.

– Отчего же? – пожалала голыми, чуть более широкими, чем диктовали каноны красоты, плечами Акантха. – Ваша Светлость скоро сама убедится, что он полный дурак. Не долг ли хорошей жены попросить герцогиню о снисхождении к ее бестолковому мужу?

Вдруг Акантха пошатнулась.

– Кажется, до сих пор голова кружится, и в ушах звенит, – устало приложила она руку ко лбу, и тут же будто опомнилась – смутилась, поправляя волосы и прикрывая ими грудь. – Я и впрямь, пожалуй, с вашего позволения удалюсь, чтобы одеться, Ваша Светлость...

«Ну как ее выгнать в ночь?!» – подумала Маргарита, когда женщина ушла с балкона. Ангелика же проснулась, и, пока не раздался оглушительный ор, Маргарита прямо на балконе начала кормить ее грудью – только повернулась к лесу спиной, – она не хотела, чтобы Акантха ее потеряла.

Ангелика еще сосала материнскую грудь, когда, полностью одетая гостья опять появилась на балконе. Она присела в глубоком поклоне, а Маргарита махнула рукой.

– Да оставьте, мы же не при дворе, но в глуши...

– Вы, Ваша Светлость, так добры к простой горожанке... и сами столь великодушно просты. По-благородному просты. Не позволите ли взглянуть на ваше чадо? Признаться, я обожаю смотреть на малышей. Сама я лишена подобного счастья...

Маргарита кивнула и, пересела на другую сторону лежанки. Ангелика, не переставая трапезничать, подняла на незнакомку свои карамельные глазки.

– О, какая прелеестная! – умиляясь, простонала Акантха. – И какое же у нее милейшее пятнышко на лобике у волос!

– Это поцелуй Ангела. Едва она родилась, такого натерпелась. Я могла лишь мечтать, что возьму ее на руки вновь... Так ничтожно мало, оказывается, надо для счастья, и одновременно так много!

– Я буду молиться за вас и вашего ангелочка. Моей признательности нет предела... А себя я уже прекрасно чувствую. Мы покинем ваш гостеприимный дом засветло, не беспокойтесь. Едва супруг вернется...

– Этого я вам как герцогиня не позволю! – возразила Маргарита. – Обед здесь начинается в три часа и одну триаду – осталось менее часа. Можно спуститься в гостиную, закусить перед обедом и выпить. Я, правда, вина не пью, но вам его советую – все его хвалят...

Акантха странно на нее посмотрела, а затем одарила Маргариту вовсе не обычным взглядом, какой обжог, скатился мурашками по позвоночнику, проник глубоко и отозвался спазмом между ее ног. Она почувствовала жар и то, как краснеет. Ангелика тоже это ощутила – девочка отпустила материнскую грудь и повернула голову к незнакомой ей особе.

– Моей признательности нет предела, – нежно и вкрадчиво – так, как говорят любовнику, повторила Акантха.

– Полно же меня уж благодарить, – встала Маргарита и понесла дочь в спальню Таситы, якобы чтобы сменить ей пеленку. Там, закрыв дверь на засов, она выдохнула и часто замахала в свое лицо рукой, чтобы его остудить.

«Она так смотрит на меня как... Так страстно только мужчины смотрят! – думала Маргарита, выпивая разом стакан воды. – Нет, не может быть. Мужеложство, понятно, грех, а это что такое? Женеложство? Глупость какая! Это, должно быть, мой Порок Любодееяния извратил все впечатления!»

Едва Маргарита и Акантха спустились в гостиную, там появились Сангуинем Митеро, молодой лекарь и помощник лекаря. Дядя Жоль сказал, что с лекарем прибыли еще двое слуг, оставшиеся во дворе. Лекарь осмотрел Акантху прямо в гостиной – задал несколько вопросов, поглядел в ее глаза, сказал поводить ими за его пальцем, после чего объявил, что удар в голову крайне опасен, особенно, если сразу после этого «натрястись на лошади». Маргарита-меридианка вставила от себя, что король Ортвин, получив удар в голову на турнире, выглядел вполне здоровым, а затем рухнул запертво. Словом, она настояла на том, чтобы и странники остались здесь переночевать, и лекарь тоже – на всякий случай. Беати, какая пришла в гостиную закусить, тут же ее покинула (меридианка из тебя, Беати, дрянь!). В благодарность господин Митеро внес свой вклад в вечернюю трапезу – санделианские конфеты для десерта, – желейные, ореховые, разноцветные, изумительно красивые. Дядя Жоль, облизнувшись, отнес круглую коробку-конфетницу в обеденную.

Помощника лекаря и трех его слуг пригласили обедать в столовую, а в гостиной остались Синоли, Маргарита, господина Митеро и лекарь. Все, кроме Маргариты, пили вино. Беати и дядя Жоль заканчивали убирать стол, Тасита была в детской – наблюдала за тремя девчонками. Борзых собак, чтобы они не пугали гостей, вывели во двор.

Гостиную в этом доме никак нельзя было назвать подобающей барону, тем более герцогу. Побеленные стены, окна во двор; виноградные шпалеры сейчас скрывали табун свиней и свинопаса, загоняющего их в хлев, но звуки... Скамья – почти деревенская лавка со спинкой; грубый буфет, игровой столик и пара табуретов. Часть денег за проданное вино Беати уговорила дядю Жоля потратить на «прилишнюю ткань» – и так тут появились красные подушки, желтое покрывало для скамьи, зеленые портьеры, – вышло ярко. Аляповатый замок с часами чудесно вписался в обстановку, два портрета по обе его стороны – не очень. Пол – обычные доски. Когда темнело, то при сиянии свечей здесь становилось уютнее, а днем герцогине Раннор оставалось лишь краснеть за эту гостиную перед гостями.

Культура гласила, что мужчинам достается скамья: Сангуинем Митеро сел посередине, лекарь слева от него, Синоли справа; Маргарита и Акантха заняли табуреты. Разговаривали о Лодэнии – Маргарита всех изумила рассказом о церемонии омовения рук, все ее внимательно слушали. Она была счастлива.

Внезапно донесся шум и конский топот со двора – а через минуту в гостиную широким шагом вошел Рагнер! При его появлении все в зале начали подниматься на ноги.

– Ненаглядный мой! – обрадовано подошла к нему Маргарита. – А я тебя и не ждала... Так рано вас не ждала!

– Лорко, Енриити и Филипп придут через пару дней – а я решил поторопиться, соскучился, – целовал он руку жены. – У нас гости?

– Славно, что заметил... Это господина Митеро. У них случилась ужасная неприятность во время странствия – госпожа Акантха упала с лошади, да с обрыва в реку! Они переночуют у нас, а завтра им уж в дорогу, к Идерданну. Я посоветовала ехать до Нонанданна, а далее по Лани и морю до нужного им монастыря Святой Майрты.

– Ладно... – улыбнулся он. – Прекрасная моя, налей мне тоже вина. Я спешил, пить хочу...

– Конечно, Ваша Светлость, – отошла она к буфету.

– Сангуинем Митеро, – здороваясь, склонил голову муж Акантхи.

А в следующий миг Рагнер схватил его за волосы и со всей силы вдарил лицом в стену, лекарь в то же самое время свалился ничком на пол. Синоли взвизгнул, Акантха отскочила к буфету. Маргарита, с кувшином в одной руке и бокалом в другой, удивленно повернулась – она узрела двух лежащих на полу гостей да Рагнера, ставящего ногу на шею лекаря, – и...

– Раа... гнер... – донесся до него испуганный голос.

Он поднял голову и увидел Маргариту, держащую кувшин и бокал, а позади нее – Акантху, уткнувшую длинную, как шип, шпильку в горло Маргариты. Синоли снова взвизгнул, в дверях обеденной появилась Беати – и тоже закричала, увидав, что из глаза лекаря торчит кинжал.

– А ну тихо! – громче всех крикнул Рагнер. – Беати, Синоли, выйдите – вы мешаете!

Беати сразу замолчала, схватила мужа за плечо и вытащила его, оцепеневшего, в обеденную. Дверь она теперь плотно закрывала.

– Акантха Митеро? Выпустить шип... – медленно проговорил Рагнер. – Значит, это ты главная, а не мужи, – и он наступил весом своего тела на шею Сангуинема – хрустнуло – и тот погиб, даже не дернувшись.

– Да, – жестко ответила Акантха. Если бы Маргарита сейчас видела ее соколы глаза, то удивилась бы перемене – в них не осталось и капли доброты. Молодая женщина настороженно следила за действиями Рагнера, безмолвно говоря ему, что без промедления воткнет шпильку-шило его жене в горло, проколов артерию. Маргарита же, едва подумала, что могла бы выплеснуть вино из кувшина в лицо Акантхи и освободиться, как Рагнер ей сказал:

– Стой смирно, Грити. Она тебя скоро отпустит.

Акантха хохотнула.

– Отпустит, – продолжил Рагнер, – потому что хочет жить. Я сохраню тебе жизнь, Акантха Митеро, и трем прочим, если ответишь на все мои вопросы. Слово Рагнера Раннора. Послушай... Ты молодая, красивая... Зачем тебе умирать? Моя жена тоже молода и красива... Не лучше ли вам обоим жить? Может, мне удастся ее освободить, может... нет. Но ты-то точно умрешь, если ее не отпустишь. Тех, якобы ваших слуг, уже скрутили мои люди... Грубо работаете! Кто вас только учит? Хоть бы имена другие выдумали.

– А по-моему, недурно всё получалось, – нервно возразила Акантха. – Что еще за вопросы?

– О том, кто тебя послал сюда и зачем. И не лги мне – убью.

– Чего? Какая мне тогда разница? Зачем ее отпускать?

– Я убью тебя быстро – вот в чем разница. Но, если ты будешь честна, то я, как и поклялся, всем вам четверым позволю уйти. Я уже о многом догадался – не зря же здесь. Отпусти теперь мою супругу. Немедля!

Несколько мгновений Акантха раздумывала, но затем нежно поцеловала Маргариту в щеку и отпустила ее. Маргарита с кувшином в одной руке и бокалом в другой сначала несмело, а затем быстрее подошла к мужу. Позабыв про занятые руки, она, дрожа, прижалась к нему. Рагнер приобнял ее, поцеловал в макушку и взял бокал у нее из рук.

– Спасибо, любимая, – сделал он глоток. – Неполная, правда, чаша...

Опомнившись, Маргарита выхватила у него бокал и сама выпила его до дна. Рагнер усмехнулся, снова поцеловал жену в макушку, укрытую головным платком, и отобрал у нее кувшин.

– Присядь, – кивнул он Маргарите на скамью. – Послушаем вместе, что она скажет... Как тебя звать-то по-настоящему? – повернул он лицо к молодой женщине у буфета.

– Лаверна.

– Куда лучше. Кажется, что-то зеленое?

– Не Леверна, а Лаверна! – закатила глаза «Акантха». – Так звали богиню древних, богиню тьмы и темных дел. Ей приносили жертвы левой рукой. Я левша. Оттого и получила это имя.

Рагнер подставил табурет для Лаверны, достал из глаза «лекаря» свой Анарим и сел на скамью, рядом с Маргаритой. Она же изумленно таращила глазищи, не понимая до конца, что происходит.

– Дашь мне чашу? – спросил ее Рагнер – она тупо посмотрела на свою левую руку, сжимающую пустой бокал.

– Держи, – несчастным голосом проговорила Маргарита.

– Садись и ты, Лаверна, выпьем... – налил он себе вина. – Я, в самом деле, крайне спешил и чертовски устал.

– Есть что покрепче?

– Глянь в буфете, – хмыкнул Рагнер. – И не тяни время. Раньше всё расскажешь – раньше уйдешь. У нас обед начинается, давай же! И тебе надо бы, пока не стемнело, убраться подальше. Первый вопрос – зачем ты здесь?

Лаверна нашла в буфете сливовую наливку и с бутылкой в руках села на табурет – она сделала глубокий глоток прямо из горла.

– Я здесь, чтобы выкрасть твое дитя, – равнодушно сказала Лаверна.

– Ах ты дрянь! Волчица! – тут же вскочила Маргарита, а Рагнер удержал ее за руку.

– Тише... Хочешь еще раз к ней подойти?

– Неет... Конфеты! Боже... Дядя?! Дядя!

– Дочка?.. – приоткрылась дверь, и Жоль Ботно несмело заглянул в гостиную.

– Ты не кушал конфеты? Беати? Кто-то еще?

– Нет, дочка, я же схуднуть порешал с муху. А Беати серчается на сих...

– Конфеты отравлены? – спросил Лаверну Рагнер.

– Конечно...

– Дядя, сожги конфеты вместе с коробкой! – вскрикнула Маргарита и повернулась к мужу. – Рагнер, она правда просто так уйдет? Почему?

– Потому что я дал слово...

– Я не причинила бы зла малышке, – нежным голосом заговорила Лаверна. – Конечно, если бы герцог Раннор явился за ней... Я думала выкрасть ее ночью. Пятеро других убили бы тех, кто не отравился.

– Меня, значит, вы тоже убить намеревались...

– Да, – кивнула Лаверна и вновь отхлебнула из горла. – Мечь за Зимронда Раннора.

– Кто тебя подослал? Не лги.

Прежде чем ответить, Лаверна в третий раз глотнула наливки.

– Мой господин, граф Адельфс Эрсоро. А ему наверняка приказал отец, герцог Бонфат Эрсоро, канцлер сверхдержавы Санделии.

– Когда ты получила приказ? И как узнала, что мы здесь, в этой глуши?

– Задание я получила в середине восьмиды Смирения, в Бренноданне, далее мы ждали вас в Элладанне. Когда вы появились там, отправились сюда. Узнать об имении несложно – достаточно прикинуться покупателями земли.

Рагнер задумался, а Лаверна сделала самый долгий глоток из бутылки.

– Всё, у меня более нет вопросов. Пойдете отсюда пешком, без коней и вещей. Вставай – и чеши за ворота. Появитесь вновь в окрестностях – убью.

– Я только одну вещь хочу забрать, – взволновалась Лаверна. – В моих вещах у седла... Это память о сыне, умоляю, – посмотрела она на Маргариту. – Детский башмачок...

– Пусть забирает, – буркнула девушка. – Все свои вещи пусть забирает, а то я их сожгу. Посмотрю, может, что-то осталось в нашей спальне...

– Добрая моя, – вздохнул Рагнер и с укором посмотрел на нее. – И прекрасная! В нашей спальне?.. Проверить теперь надо, не украли ли она чего!

– Я лишь смочила волосы ее ароматной водой, – ответила Лаверна и одарила Маргариту жгучим взглядом. – На память... Очень понравилось, как подушка пахла. Жемчугов мне не нужно.

– Хватит, замолчи, дрянь! – скривившись, ответила Маргарита.

– Раздевайся, Акантха, или как там тебя... – сказал Рагнер.

Усмехнувшись, она начала расстегивать пуговицы на груди. Маргарита встала, обошла Лаверну подальше, за скамьей, и открыла дверь обеденной.

– Беати, – сказала она, вытирая первую слезу. – Прости меня, умоляю... Я и правда дура, а ты – нет. Последни, прошу, за этой волчицей, как она свою шкуру драную снимает, а то я видеть ее более не могу...

Рагнер поднялся наверх через минут двенадцать после того, как Маргарита ушла в спальню. Он нашел ее сидящей на кровати, обнимающей дочку и плачущей. Солнце уже зашло за горы, начались «белые сумерки».

– Так страшно было? – спросил он, садясь рядом и приобнимая ее.

– Нееет, – провыла она. – Сейчас страшно. Могло бы... Какая же я дура! Мне Беати говорила... А я... А она... Шип этот – она такая... добрая... казалась... Такие слова говорила... добрые... Какая же я дурёха!

– Да, любимая. Ты самая прекрасная из наипрекраснейших прекрасниц. Ну ладно... – поцеловал он ее плачущий глаз. – Ты не первая и не последняя. Старше и опытнее тебя умники попадались на уловки таких, как она. Их учат с детских лет, что говорить и как себя вести, отбирают лучших из лучших.

– Кто она такая?

– Санделианская лазутчица. Из «Черной канцелярии», то есть тайной и любовной тоже. Таких, как она, сотня там, если не тысяча. Сироты...

– Не хочу больше быть доброй. Хочу быть злой, как ты.

– Нет, тебе не надо, – приподнял он ее лицо за подбородок и поцеловал в губы. – Для этого есть я. Я люблю тебя, доброту твою очень люблю. С ней светло. Ты оставайся такой, какая есть. Но всё же... доверяй поменьше не пойми кому. И друзья могут предавать – чего ждать от чужаков?

– Как ты понял?

– Как? Сангуинем – это же сангвин, кровь. Сангуинем Митеро – почти как пустить кровь, Акантха Митеро – выпустить шип... Но главная заслуга не моя, а канцлера Шанорона Помононта. Эти санделианцы привлекли его внимание в Элладанне и особенно их поспешный отъезд.

– Это он их послал, – вытерла глаза Маргарита. – Ортлиб мне однажды такое про него рассказал... и добавил, что всем нам это может стоить жизни. Ортлиб и Шаноронт Помононт, – понизила она голос, – они убили герцога Альбальда. Подробностей я не знаю. И... даже не знаю, как объяснить, Ортлиб так говорил... про ловушку и что он разгадал ее... Это было после дня рождения Альдриана, моего жуткого платья и пощечины... Будто... мне показалось, что Помононт боится Ортлиба, не знаю... Может, у него остались доказательства участия Помононта, письма или что-то еще.

– Ты лучше и впрямь молчи про это... Нет, милая, Помононт – полное дерьмо, уж прости за грубость, но смысла злить меня я не вижу. Мы ныне обо всем договорились. Лиисем – в Восточном союзе.

– Даа?.. Тоже странно.

– Нет. Альдриан вынужден искать новых союзников. Король Орензы затаил на него злобу, рядом сверхдержава Санделия – там герцоги тоже на него обижены за развод с его первой женой. Принц Баро, хоть и родня ему, вряд ли более придет на помощь. Альдриана рыцари ныне презирают за трусость, за поцелуй руки врага, он же хочет дружить с сильными и так стать сильным вновь. Скоро в Брослос придут послы из Лиисема. А что до того, кто направил санделианских убийц... Ну никак не мог Зимронд добраться до Моаотесса, столицы Санделии, нажаловаться там, а оттуда не могло выйти задание к восьмиде Смирения в Бренноданн. Я так и чувствую, как перед носом мгновение назад мелькнул рыжий лисий хвост. Нос чешется.

– Аттор Канэргант? Он же меня спас? Зачем? Ангелика была рядом с «Сердцем Аттардии»! Зачем было нас спасать, а сразу не выкрасть?

– Он не только тебя взял на корабль. Еще Алорзартими Баро. Кто захочет ссориться со Святой Землей Меридиан? Дураков, как я и Зимронд, больше нет, пожалуй, во всей Меридее.

– Домой хочу, в Лодэнию, в наш Ларгос!

Рагнер широко улыбнулся, сверкнув зубами.

– Зря ты отпустил эту дрянь, Акантху или, как там ее, Лаверну... – еще всхлипывая, сказала Маргарита. – Прости меня, Боженька, за ужасные слова и мысли, но надо было их убить и бросить в помойную яму. Похитители детей не знают жалости и, значит, не заслуживают жалости сами.

– Я уверен, что с Лаверной и другими покончат их же хозяева, – усмехнулся Рагнер. – Кстати, крошечный башмачок у нее и правда нашелся в сумке у седла. И она ничего не украла... Тем не менее она вряд ли выкрутится – и сама это понимает... Мы более никогда ее не увидим.

Глава III

Исповедь

Согласно знанию, Пороки относились к стихии Воды, как и удовольствия; грехи – к стихии Огня. «Грех» произошел от слова «греть», означал поступок или мысль против совести, что жжет и мучает, – и человек заливал Огонь Водой, получая удовольствие, а со временем обилие грехов превращалось в Порок. Грехи будто выжигали дырочки в душе – и в них поселялись лярвы, мелкие злобные духи, более всего похожие на червей. Лярвы разъедали душу больше и больше, делая дерево души больным, слабым, с трудом сопротивляющимся пагубным страстям. Пилула помогала избавиться от тех лярв, что неглубоко засели в душе, но истинным лекарством являлась исповедь – соединение Воды и Земли. Вот только часто человек не осознавал всех своих грехов, Пороков и заблуждений, ведь они появлялись у него сразу же – едва он издавал в этом мире первый крик: они росли в нем, крепили вместе с ним; порой человек их любил, временами ненавидел, но избавиться до конца от порочных склонностей не мог. Монахи, уходя из мира, давали обеты – безбрачия, послушания, нищеты и иногда молчания, – ничто не должно было туманить им разум. Посредством молитв и исповедей они очищали душу для того, чтобы прозреть: увидеть мир, людей и предметы в нем в их первоизданном виде, а не через вуалевые завесы лжи, не через грязь гордыни, не через кровь вражды и не через песок корысти, – без блеска славы, без обманчивого цветения земной любви, без слепящего света духовной любви...

Тридцать четвертого дня Нестяжания воротились Лорко, Енриити и Филипп. Часть новостей уже рассказал Рагнер, часть – они. По их словам, нотариальное дело Оливи вроде процветало – он снимал хороший дом на северо-востоке города, у рынка, жил там без жены и сына, но с матерью. Тетка Клементина пребывала в добром здравии. Гиор Себесро вновь устроил лавку на первом этаже своего дома, а суконную палату перестраивал с подвала до чердака, обходясь, когда мог, собственными силами. Все ожидали чего-то грандиозного. Нинно так и не объявился, в его доме поселился Парис Жоззак, седовласый ухажер Ульви. Годовалый Жон-Фоль-Жин одновременно напоминал мать и отца, отличался отменным аппетитом. Ульви сказала, что если через четыре с половиной года ее муж не объявится, то она по закону похоронит его имя, продаст дом с кузней и выйдет замуж за Париса Жоззака. Кажется, она даже расстроилась тому, что Нинно осенью был жив-здоров и ей теперь придется ждать лишние полгода для похорон имени и до своей свободы.

Филипп повидал Онару Помононт, пуще влюбился и поставил себе цель: стать рыцарем, дабы, как и Лорко, однажды завоевать сердце этой Прекрасной Дамы. Однако Лорко никак не хотел быть его наставником – «упозоримся вместиах на всею Меридею, Фильпё». Зато Рагнер с пугающей искрой в глазах согласился – согласился «согнать жиру и нюней» со своего «брата-Любоконя». Видимо, чувства к синеглазой Онаре были воистину сильны – Филипп, обуздав страх и гордость, поклялся во всем слушаться герцога Раннора и не жаловаться сестре. Утро отныне наступало для Филиппа на рассвете, «с пробежки» в горы до реки, с купания в ней (знаю, что не умеешь плавать – войди в реку да выйди!), и с таскания двух ведер чистой воды до имения. Днем Филипп работал конюхом, ведь после санделианцев остались три лошади, а ночью подросток спал с четырьмя борзыми на сеновале, причем ночь для него началась сразу после заката. Филипп добросовестно старался, и в награду Рагнер позвал его с собой на охоту.

На охоту Рагнер, Лорко и еще пять лодэтчан отправлялись в медиану, до того же три дня готовились: собирали вещи, хлеб и вино, искали рога, чтоб трубить, точили колья, вместо рогатин, и тесали пули для камнеметных арбалетов. На кого идут охотиться, они сами не знали;

самой желанной добычей, конечно, являлся красавец-олень. Поехали на лошадях, решив в горы не подниматься, а «гульнуть по холмам». Борзых собак тоже взяли «гульнуть».

В первый день собаки вспугнули стаю куропаток, а у реки охотники обнаружили куликов. Филиппа научили стрелять из арбалета, и он сразил одного кулика стрелой. Вечером пообедали тем, что добыли, а затем, попивая вино, разговаривали у костра. Филиппу тоже налили вина, и он чувствовал себя взрослым, важным. Рагнер, глядя на него, вспоминал себя и думал, что для Филиппа охота случилась в первый раз, для него же, возможно, в последний – до праздника Перерождения Воды оставалось семь дней, значит, если проклятье это правда, то у него имелось всего десять дней жизни.

Второй день, день луны, прошел в поисках звериных троп. Воротиться домой без оленя, кабана или хотя бы косули, охотники считали позором. Однако утром дня марса Рагнер объявил, что они возвращаются и дальше в горы не пойдут. Разочарованные, охотники отправились до дома.

– Надобное было засразу в горы идти! – в сердцах воскликнул Филипп и хлестнул лошадь по шее поводьями, отчего та обиженно заржала.

– Добрый зверь в чем виноват? – строго спросил его Рагнер, поглаживая морду кобылы и успокаивая ее. – Еще раз увижу – пойдешь пешком. Я не только про сегодня говорю. Теперь это одно из многих моих правил, по каким ты будешь жить, Любоконь херов...

«Любоконь» насупился, а Лорко примирительно сказал:

– Конь – енто жа честя рыцарев, Фильпё. Не он тябе служивает – ты яму. Уохотишься ащя, ежаль с Рагнером в Ларгос подашься, – не огорчайся. У Ларгосу лясов полная полна... И да, Фильпё, Рагнер должон тябя научивать соколиной охоте – енто одна из ррыцарских наук.

– Я как герцог Альдриан Красивый буду охотиться?! – обрадовался подросток. – Рааагнер, а ты мне соколу купишь?

– Я себе щас ссокола по ж...пе куплю! – с возмущением ответил тот. – Так, я тебе отныне не «Рагнер», тем более не «Рааагнер», а «герцог Раннор» или «Его Светлость», – это раз. Так будет до твоей юности, а там посмотрим, – это два. Далее, не «купишь», а «купишь», – это три – учись грамотно изъясняться. А четыре, – перебил он Филиппа, открывшего рот, – Лорко поздно переучивать, но даже он старается, – это пять. Более не перебивай меня никогда и не перечь мне, – это шесть! Ничего я тебе не куплю и сразу отринь сии мечтанья – максимум дам попользоваться или заплачу жалование за службу, – купишь всё себе сам, – это семь! Восемь – соколиная охота – это мастерство для благородного рыцаря! Девять – соколов я не люблю! Десять – в моем замке их нет! Одиннадцать – ружье лучше любого сокола, если зарядить его чугунной дробью. Двенадцать – в моем замке даже есть пистолет. Тринадцать – да, я научу тебя стрелять из ружья – ты способный.

– Ах здорово! – обрадовался Филипп. – А в скоко обойдется сокол?

– Смотря какой. Белый орзенский кречет стоит как пара породистых скакунов... Самка еще дороже. Еще нужен сокольничий, а он получает жалование как капитан корабля – сто двадцать восемь серебряных монет в день, его помощник – пятьдесят. Вот и считай – сорок золотых за пару соколов и шестьдесят на жалование сокольничим, не считая стола для них и подарков к празднествам. Всего: сто золотых в год!

Присвистнув, Филипп взъерошил свои русые волосы.

– Говорю же, – усмехнулся Рагнер, – ружье лучше любого сокола. Его можно купить за два золотых или даже меньше.

– А рыцарю скока в дню плотют? – спросил через некоторое время Филипп.

– А рыцарю сколько в день платят! По заслугам рыцарь получает. На Священной войне благородному рыцарю полагается минимум девяносто шесть серебряных монет в день. Неблагородному, как ты, – сорок восемь. После твоего возраста Послушания, я возьму тебя на службу кем-нибудь. Твоей сестре, к примеру, нужен конюший. Будешь следить за ее кобылой, запрят-

гать ее, иметь помощника-мальчишку в конюхах, сопровождать везде сестру на выходах, помогать ей садиться в седло. Начнем с шести сербров. Каждый год, если я буду доволен, как ты служишь и как сдаешь экзамены, я буду повышать оплату. К восемнадцати годам можешь иметь двенадцать сербров в день. А там, глядишь, станешь моим оруженосцем – это сорок восемь сербров в день.

– Ах! – не верил своим ушам Филипп. – Шесть серебряных монетов в дню! Это же две золотых в году! Ах! Стока же дядя Жоль в лавке доходывал! А раньшее можно? Пожааалуйста... – скорчил он «очаровательное личико»: распахнул умоляющие глаза, сжал и выпятил губки.

– Филипп, новых два правила! – разгневался черствый герцог Раннор. – Никаких «раньшее можно»! Если и можно – то это будет награда за заслуги, а не просьба! Второе правило – болтать без приказа запрещается. Если я прикажу – жужжи из своей мухоловки, как одержимый, а без приказа – молчи, в разговоры старших не лезь, отвечай, лишь когда тебя спрашивают!

Филипп на этот раз не подумал обижаться – две золотых монеты двумя солнцами ярко озаряли его разум и слепили в оба глаза.

Они ехали среди лесочка, по берегу горной долины и вдоль реки Аэли, – искали спуск с крутого обрыва, чтобы настрелять куликов и хоть что-то принести домой. Близился второй час дня, солнце грело жарко; великолепие природы поражало взор – клубящиеся, зеленые возвышенности, гряда дымных, призрачных гор, река внизу даже не голубая – нежно-бирюзовая, то широкая и спокойная, то в порогах и водопадах, то разветвляющаяся на ручьи, то сходящаяся в похожие на озерца затоны.

«Боже, неужели всю эту красоту ты создал для нас?» – подумал Рагнер, вспоминая, что так думал и зимой. Ох, как же ему не хотелось умирать, оставлять этот красивый мир, своих любимых женщин и дорогих друзей. Собаки трусили рядом – какие же замечательные собаки! «Собаки умеют быть счастливыми, в отличие от людей, и умеют любить так, как людям не дано...»

– Рагнер, – сбил его с мысли Лорко, – ты тама полягчай вся жа с Фильпё, а? Не наделавай из ученику такового жа, как ты самай!

– Чем я плох? – удивился Рагнер. – Я герой Лодэнии!

– Ааа... а болтали дажа, дча ты скопец, затем и злобствуешься на всей мир и мужей в ём. Девствянником небось был до двацати, а то и большай.

– Да нет! Это всё неправда! – теперь обиделся Рагнер. – И я еще до Сольтеля в лупанар раз сходил и после раз, к Ноллё... И вообще, раньше Целомудрие было рыцарской Добродетелью! Мой наставник, Атрик Гельдор, воспитывал меня по старым правилам, по старым добрым правилам! Блуд и разврат, Лорко, рыцаря не красят, но красит его Верность. А в Ларгосе верность красит не только рыцарей – там тебе жена как даст по башке – и всё, считай... – тяжело вздохнул Рагнер. – Или мужики заловят – и героя твоего топором. Вот так скопцом и становятся – от разврата!

– Вот, я и говорю, будёт, видать, Фильпё девствянником ащя долгая...

– Лорко, довольно. Он мелкий всё равно еще для этих дел. И потом, я еще не решил – возьму ли его в Лодэнию, и он тоже еще не решил...

Они вышли к относительно пологому склону долины, спешили, направились к реке. Аэли в этом месте разлилась мелким, журчащим ручьем; видны были камни и даже подплывающие к берегу, похожие на щучек рыбёшки. Вдруг Рагнер услышал далекий треск, словно кто-то продирался сквозь кустарник, ломая ветки. Он замахал остальным спрятаться в кусты, сам открыл пороховую полку ружья, опустил курок с пиритом на колесико – приготовился. Через миг на другой берег реки стремительно выбежал крупный, рогастый олень и, не снижая скорости, понесся в воду – а когда он уж выбрался на тот берег, где притаились охотники,

то грянул пороховой гром, что прокатился эхом по долине, что достиг гор, небес и облаков. Олень же почти одновременно со звуком грома пошатнулся, сделал пару неуверенных шагов и свалился на бок. Охотники шумно возликовали: вот это добыча, вот это победа! И пусть даже они ничего для этой победы не сделали – неважно – колесо Фортуны, как известно, катится впереди крылатой богини победы.

Раненый в грудь олень еще хрипел, когда везунчики подбежали к нему. Он с укором смотрел на Рагнера, из его красивых глаз будто текла слеза. Неожиданно Рагнер понял, что не сможет его добить. «Сильный пожирает слабого, – сказал он в свое оправдание оленю, – не я придумал такой порядок, я просто по нему живу. Разве я виноват, что Создатель не дал тебе зубов или рук, не вложил в них меча или ружья? Может, боги сделают тебя, мужик, в новой жизни волком. А меня оленем...»

Оленю пустил кровь Лорко – точным ударом любимого ножичка проткнул ему шею, после чего охотники собрали в чашу теплую кровь и, довольные, распили ее. Филипп кривил лицо, но пару глотков сделал. Осталось всё то уволочь оленя восвояси, да на другой берег высыпали гончие собаки, принявшиеся возмущенно тявкать, – им достойно ответила четверка борзых. Затем показались четыре всадника. Помедлив с минуту, два из них направились через реку к тем, кто украл их победу над зверем, украл их добычу.

Вода в ручье не доходила лошадям и до груди: два всадника быстро приближались. Рагнер видел худощавого мужчину с заостренными чертами лица, впалыми щеками и тонкими губами. Темные, короткие волосы, старомодная прическа (почти как у послушника, но почти без челки), внимательные, жесткие, темно-карие глаза; строгое, темное убранство, скромная конская упряжь. Следом за ним гордо ехал мальчик лет семи, светловолосый, светлоглазый, с большими вывернутыми губами, из-за каких он походил на утенка. Носил этот отрок красный охотничий наряд, один сидел в седле, держал в правой руке, положив его на плечо, маленький арбалет.

– Кто вы такие?! – грубо спросил «злой граф» Винси Мартиннак, когда конь под ним еще шлепал копытами в воде.

– Владетеля имению Нола! – ответил Лорко.

– Бароны, – презрительно фыркнул Мартиннак. – Мы гнали этого оленя по полям и холмам более двух часов! Он наш! Советую каким-то там баронам со мной не ругаться, а помочь переправить оленя на тот берег – и тогда мы жалуем десятину мяса вам в благодарность.

– Да, мой друг и брат – барон, но не какой-то. Я же герцог, – сказал Рагнер и оскалился, показав серебряные зубы. – Из Лодэнии, как и мой друг.

– Лодэтский Дьявол... – недовольно, будто вкусил что-то гадкое, проговорил Мартиннак. Его конь вышел на берег, но близко «злой граф» не подъехал: разглядывал Рагнера и Лорко – они его.

– А ты кто таков? – спросил Рагнер.

– Граф Винси Мартиннак, рыцарь.

– Мартиннак... Не родня ли герцогу Мартинонту, герцогу Мартинзы?

– Весьма дальняя.

– Ладно, давай так, – улыбнулся Рагнер. – Ты победил. За то, что гнал на нас оленя, мы милостиво жалуем десятину, – манерно повел он рукой.

Граф и мальчик переглянулись.

– Нет! Уже никаких десятин! – сказал Мартиннак. – Предлагаю, как соседям, разойтись с миром, а оленя разыграть. Всего два выстрела из арбалета стрелой с тридцати шагов. От меня и моего сына. Вы должны выставить равных соперников: кто-то из взрослых против меня и... это слёток, – показал он на Филиппа. – Мой сын, хоть и моложе, не уступит ему в мастерстве.

– А ежалья ничья? – спросил Лорко.

– Играем заново до победы. Никаких «ничьих»!

– Тада пошли, Фильпё, – подумав, сказал Лорко. – Отделаваем их!

– Лорко, я боюсь, – тихо шепнул Филипп, пока Мартиннаки, отец и сын, прыгали вниз с коней и готовили арбалеты.

– А ты не бойся – всяго-то оленя – енто тябе не крашной пятах... Ты душою думавай и целься тажа ею. Онару своейнёю вобрази, и дча так ее любишь, дча из арбалету щас ей дашь! Всю любовь свою вклади!

Они поднялись выше, в лесок; там мишенью определили скрюченное дерево на краю обрыва, можжевельник с хилой кроной, и его овальную сухобочину размером с ладонь. Первым стрелял Лорко – его стрела попала в цель, но у самого валика наросшей коры. Мартиннак отправил свою стрелу скорее в центр, чем нет. Затем, после того как сухобочину расчистили от стрел, вышел Филипп. Прошло полминуты, а он всё целился! Рагнер уж хотел на него прикрикнуть – мол, чем дальше он целится, тем сильнее устаёт рука, как Филипп нажал на спусковой рычаг – и его стрела угодила ровно в центр мишени! – безупречный выстрел!

Лодэтчане шумно вскричали в радости и обняли Филиппа, как родного. Даже Рагнер его покружил и чуть не расцеловал, да опомнился – опустил «брата-Любоконя» на землю и смущенно хмыкнул.

– Он, господин мой отец, слишком долго целился! – недовольно сказал мальчик, выворачивая утиные губы.

– Стреляй, Орелиан, а не болтай! – строго сказал ему «господин-отец».

– И метить могёшь, скоко хошь! – добавил счастливый Лорко.

– Стрелу пусть уберут! – повелел мальчик.

– Как пожелаете, Ваша Милость, – усмехнулся Рагнер и пошел за стрелой. Невольно, пока ее доставал, он глянул вниз с обрыва: вроде бы неглубоко, но внизу одни валуны – упадешь, так точно переломаешь ноги, если не шею.

Орелиан Мартиннак тоже долго целился из своего детского арбалета. Рагнер отметил, что его руки дрожали, когда он решился выпустить стрелу. Сразу после, вперед старших, мальчик побежал к дереву, чтобы глянуть на итог.

– Осторожней, Орели! – недовольно крикнул ему вдогонку отец.

Орелиан искал глазами свою стрелу, но ее нигде не было: он даже не попал по стволу, и стрела улетела в пустоту.

– Нечестно! – закричал он, топая ногой и резко начиная плакать. – Не честно! Не честно! Он старше меня! Мой арбалет мельче! Нечестно! Не честно!

– Барон Орелиан Мартиннак! – строго произнес его отец. – Вам уже семь! Вы не ребенок! Вы проиграли! Прекратите теперь плакать! Это приказ!

Но Орелиан, топая ногами, требовал, чтобы ему дали снова и заново стрелять – и так, пока он не выиграет. Кричать и плакать он тоже не перестал, зато ярко порозовел. Добрый сердцем Лорко было подумал, что надо по совести поделить оленя пополам да мирно разойтись, как вдруг – топнув своей маленькой ножкой еще раз, Орелиан внезапно, со звуком осыпающихся камней, исчез с глаз. Исчезла и добрая часть того, что миг назад было краем обрыва. Дерево каким-то чудом еще держалось, но словно висело в воздухе.

– Орели!! – не своим голосом закричал «злой граф» и побежал к обрыву. Туда же устремились все остальные.

– Сами не упадите! – удержал обезумевшего отца Рагнер. – Взялись за руки, – приказал он своим людям. – Филипп, ты самый легкий – встань в конце, держись за ствол и не бойся.

Филипп не посмел возразить. Лорко убежал вниз, а пятеро лодэтчан образовали цепь, и Филипп ее замкнул. Он стоял у кривого дерева, на его корнях, практически висел в воздухе, и заглядывал в пропасть. Орелиан носил красное платье, такой же плащ и шаперон. Казалось, что среди желтовато-серых камней невозможно было не найти его, но Филипп не видел ничего красного.

Тут снизу донесся слабый тонкий голосок. Филипп заглянул еще ниже, под оголенные корни можжевельника – Орелиан, весь перемазанный землей и каменной пылью, с трудом держался на отвесном участке обрыва.

– Он внизу, жив! Но едва не падает.

– Вниз! – приказал Рагнер своим людям. – Лезьте к нему или ловите.

Те убежали, а Мартиннак срывающимся голосом проговорил:

– У него сс... лабы руки... Не успеют...

Рагнер не раздумывал – времени на это не осталось. Обнимая ствол можжевельника, он осторожно полез по корням. Дерево едва держалось – шаталось, камни сыпались. Наверняка вот-вот и случится новый обвал.

– Филипп, граф Мартиннак, отойдите подальше! – приказал Рагнер.

Ему не ответили. А внутри дерева что-то по-комариному тонко запищало, заскрипело, посыпалось – Рагнер понял, что если он не слезет с корней, то станет оленем через минуту, а не через десять дней. Он схватился за каменный край, уместил ногу на чем-то – и полез вниз по практически отвесному склону. Спускался он левее Орелиана и видел его круглые глаза – мальчик онемел от страха, застыл, впился руками в гладкую твердь; одна его нога попала в скол, и лишь на ней он держался, зато ниже него находился вполне приличный выступ – Рагнер полз туда, стараясь поменьше смотреть в долину и на реку.

– Орелиан! – позвал он, когда оказался ниже него, на выступающем валуне. – Отпускай руки и скользи на животе вниз. Я тебя поймаю!

– Орели! – показалась голова его отца. – Давай же, не трусь!

Сверху посыпались новые камни. Вскрикнув, Винси Мартиннак отскочил от обрыва, его сын, тоже закричав от ужаса, разжал руки – и рухнул вниз. Громко простонал и Рагнер – острый булыжник стукнул его по голове, и мгновенно потемнел, закружился мир; Орелиана он поймал, сам не понимая как, – тот просто-напросто сам свалился в его руки.

Снизу раздался свист. Морщась, Рагнер туда глянул – Лорко по-кошачьи ловко полз вверх и находился уж близко. Через минуту Рагнер передал ему Орелиана, держа того за шиворот, будто щенка. Лорко точно так же подал мальчика охранителю, что был ниже, тот – еще ниже, – и вскоре Орелиан надрывно ревел у реки.

Рагнер спустился последним вниз – его друзья уже отошли к лошадям: рылись в сумках у седел, искали что-то. Винси Мартиннак дожидался Рагнера. Он держал сына на руках, поглаживал его по спине, а тот обнимал его за шею и продолжал, судорожно всхлипывая, плакать.

– У вас кровь, Ваша Светлость, – сказал Мартиннак.

Рагнер тронул волосы справа, и поморщился от острой боли. По его виску струйкой текла кровь, огибая щеку и капая на плечо, на черный, грязный камзол.

– Пустыки, – сказал он, направляясь к реке.

– Нет, это не пустыки, – пошел за ним Винси Мартиннак. – Отныне в моем доме нет более желанных гостей, чем вы и ваш друг, барон Нолаонт. Я уже пригласил его к себе на празднество Перерождения Воды. Премного надеюсь видеть и вас с супругой.

– Я ей скажу... – говорил Рагнер, умывая лицо. – Наверно, она уж заскучала среди сиван и захочет развеяться в свете. А если и впрямь желаете отплатить добром, то прекратите страшать округу. Вам же хуже – в ваш город даже покойников на успокоение не возят, не говоря о лавках...

– Ну... вы должны понять – лиисемцы из вашего имения были подсудны герцогу Лиисемскому, а мы – мартинзанцы!хлопотно поддерживать порядок на границе, когда у нас разные законы. Но, конечно, отныне всё изменится – мы с бароном Нолаонтом обо всем договоримся.

На том они и распрощались. Друзья залили Рагнеру голову куренным вином, прижгли рану и накапали туда воска, как делала Соолма. Голова у него, правда, всё равно гудела,

несмотря на воск. Мигрень приспела, когда он ехал верхом на коне. В какой-то момент Рагнер остановился, спешился, отошел, тяжело дыша, к кустам – и там его вырвало.

Тем не менее, когда он воротился в сумерках домой, то уже улыбался. Несли на своих плечах гордые охотники привязанного к рогатине за ноги оленя. Его ветвистые рога почти касались земли, мяса хватило на пир всей деревне; голову оленя Лорко собирался отправить к чучельнику в Гайю. А пуще всего землеробы обрадовались тому, что «злой граф Винси, Боже прости, Мартиннак» хочет дружить с их господином, значит, и их более «не убьют» в Гайю.

Празднество Перерождения Воды знаменовало собой начало календарного лета и, бесспорно, это торжество в Лиисеме было одним из самых красивых. К последнему благодаренью Нестяжания люди плели цветочные гирлянды, ночью украшали ими колодцы и источники, а в реки бросали венки – по поверью, если венок доплывет до моря, то любое желание исполнится. Еще несколько дней после можно было видеть эти кочующие цветочные послания, соединившиеся в пестрые хороводы. Зловредные речные русалки – утопленницы, чьих тел не нашли, мстили людям за то, что сами не знали любви в своем водном царстве – хвостатые красавицы гнали венки с текучей воды в заводи – и те усеивались коврами из аквилегий, купальниц, маргариток или незабудок. Неравнодушные люди заботливо отталкивали венки от берегов, надеясь, что и об их желании кто-то точно так же позаботится. Иногда среди знакомых бутонов попадались неизвестные, из других далеких краев или королевств. Как ни восхитителен бы был такой цветок, его из воды не брали, но могли запомнить или зарисовать. Так, к примеру, узоры из ирисов издревле встречались на севере Орензы, где отродясь «лилии-мечи» не росли.

Немногие цветы никогда не влетали в венки и не приносили в дома. Во-первых: это нарцисс – цветок призраков и их мести. Считалось, что если принести нарцисс в дом, то там поселятся домовые, дворовые, кикиморы, в банях – баенники, в конюшнях – конюшенные, в амбарах – амбарники. Нечисти хватало на всё хозяйство! Всем духам надо было подносить дары, да не жадничать, иначе, скажем, конюшенные позовут ласок – и те доведут щекоткой коней до бешенства. А венок из нарциссов привлекал Смерть – мол, беспечная дама, прельщенная красой желтого первоцвета, умирала через триаду или раньше после того, как поносила веночек из нарциссов или украсила ими одежду. Во-вторых, это скромный барвинок – «могильная трава» или «колдовская фиалка», самый любимый цветок ведьм. Если он подползал к дому, то его нещадно уничтожали, дабы позарившаяся на деток ведьма не открыла ночью окна. Борьба с барвинком порой занимала годы! В-третьих, это орхидея, неприличная на вид и годная лишь для любовного варева. В Лувеанских горах еще росла наперстянка, чьи пурпурные цветы, похожие на шапочки для гномиков, ведьмы надевали на пальцы, а затем ядовитыми руками трогали хлеб.

Знахарка, что осмотрела герцога Раннора, именно этот вывод и сделала – его отравила ведьма наперстянкой. После возвращения с охоты, он пожаловался на мигрень и ушел спать, не пообедав, потеряв интерес к туше оленя и ее разделке. Ночью Рагнеру стало хуже: в голове, по его словам, били барабаны, в животе музицировали трубачи, сердцем, словно бубном, «звякала и стучала» плясунья какого-то Мальгена, и она, бесстыдница, тыкала ему, чужому мужу, в глаза свои красивые ноги, – да, Рагнер бредил. Тогда позвали знахарку, а Синоли отправился в Гайю за лекарем, ночью и по горным тропам.

Знахарка изрекла, что надобно пить воду, молиться и «поведоваться», то есть исповедоваться перед неизбежной смертью. Пришедший под утро лекарь осмотрел рану на голове Рагнера, гноя не нашел, дыры в черепе тоже, но сказал, что кровь отхлынула от сердца и «разжидила мозговое тесто». Он пустил больному кровь, забрал ползолотого и поспешил уйти, ведь помочь был бессилён – Рагнер неизбежно скончается к закату. Зареванная Маргарита молилась за двоих; ее супруг, грозный Лодэтский Дьявол, в это время беспомощно дрожал в постели – несмотря на жару, его мучил озноб, иногда рвота и отдышка. Однако то ли молитвы

помогли, то ли кровопускание, то ли Рагнер не зря всегда всех удивлял, – к закату он духа не испустил, а утром сорок третьего дня Нестяжания выздоровел. Даже сбежал из постели, пока изможденная не меньше его Маргарита «сама дрыхла» (прикорнула рядом с умирающим!), и вернулся с букетиком ландышей – «ты же хотела цветы»!

Несмотря на цветы, Маргарита на него накричала, уложила в постель и не позволяла ее покидать еще два дня. Она не в шутку думала привязать его к чему-нибудь, да вот, какая жалость, зрелый мужчина в возрасте Благодарения годовалым младенцем не являлся, развязался бы и опять убежал (Рааагнер, ну не убегай!).

Так приблизился сорок шестой день Нестяжания – благодаренье и первый день праздника Перерождения Воды. В особняке Нола готовились его отмечать на славу: во двор сильване принесли столы, покрыли их белыми скатертями, расставили лавки, – более чем триста землеробов «обещались быть с визитом»: сперва послушать службу и проповедь Жоля Ботно (ты будь поосторожней всё же, дядюшка, иначе «Святое испытание» тебя уволочет на костер), затем намеревались пировать и снова пировать два дня подряд. Лорко и Енриити пропустили все благодаренья до этого и не познакомились со своими землеробами, – они считали нужным остаться в имении хоть на первый день праздника. А Маргарита не отказалась от светских развлечений в замке «злого графа», тем более что и Рагнер дома сидеть уж не мог, будто что-то у него где-то зудело.

В благодаренье, с рассветом, герцог Раннор и его супруга отправились к городу Гайю. Дочку они оставили под опеку Таситы и дяди Жоля, благо из своей кровати Ангелика еще в окно не лазила, а путь был утомительным. С ними поехал Филипп, тоже большой любитель светского общества; сопровождали же их восемь охранителей и мальчишка-сильванин, ставший проводником за пару монет. И, слава Богу, что дядюшка его отрядил, иначе Филипп бы всех завел в чащобы – оказалось, что он совершенно не ориентировался на местности и мог сбиться даже с единственной дороги.

Они поехали «равниной» – миновали виноградник, протоку, похожую на частые лужицы, затем начался лесок, далее – поля, далее – холмы, далее – горная тропа. Маргарита, честно говоря, тоже заблудилась.

Незадолго до полудня они наконец попали к Гайю – к городку в долине, где проживало около тысячи вольных горожан, и всё же это поселение являлось самым крупным в округе. Городок издали выглядел мило – каменные дома, острые крыши, расписные пирамиды храма. Тогда Маргарита с удивлением узнала от Рагнера, что узорные шатры – это отличие Мартинзы и гордость мартинзанцев (и кто из нас родился в Орензе, прекрасная моя?). За городские стены они заходить не стали – направились на вершину горы, к небольшому, как казалось, замку: желтовато-серому, под рыжими, черепичными крышами. Там хозяин замка обрадовался и гостям, и тому, что к началу службы они, хоть едва, да успели. И сразу повел их в часовню.

Маргарита оделась в тот день как для королевского бала – высоченный, широкий, точно напольная ваза, и крайне неудобный эскоффион заявлял о ее высоком статусе, парчовое в узорах платье блистало солнцем, Филипп нес его шлейф. Да вот ведь, снова она попала впросак: местное светское общество, как и в Ларгосе, отличалось монашеской скромностью в убранстве. Сам хозяин замка, граф Винси Мартиннак, не жаловал «тщеславных одежд», особенно на дамах, о чем не преминул заявить «дорогой гостье» – якобы все эти дамские уловки жалки (именно так и сказал!), губительны для супружества и приносят одни беды. Сына он одевал в красное с одной целью – дабы не потерять его в лесу, но дома мальчик носил черные, серые, коричневые или желтоватые платья, как и у его отца.

После службы случилось поразительное – Рагнер пожелал исповедоваться! Он остался в часовне, а Маргариту провели для отдыха в покой замка, где герцогу и герцогине Раннор предстояло заночевать.

Исповедальня в часовне была одна – небольшая комнатка без окон, темная, с угловым столиком, как в храме, и со всем прочим «алтарным инструментом». Рагнер сел на стул так, чтобы видеть Божьего Сына на распятии, священник занял другой стул.

– Ну... – начал Рагнер, – я хочу покаяться, но... Но сам толком не знаю за что, – посмотрел он на немолодого священника с приятным, умным лицом. – Я убивал, но я рыцарь. Что еще... Всякие пустяки – я нарушаю предписания часов и календаря, посты не соблюдаю, но я воин, и мне опять же можно... Пожалуй... меня вот тут за одну даму совесть мучает. Я не то чтобы ее совратил... как-то так вышло. И я ей ничего не обещал, но... всё равно поступил бесчестно. Я любил ее и, кажется, до сих пор немного люблю. А свою жену люблю по-другому: больше и... трепетнее, что ли. И всё равно – раз да и вспомню о ней, о другой, о лилии бело-снежной. Я ее бросил – ни слова не написал, просто удрал подальше – и всё. Надеюсь, она меня ненавидит, а не ждет...

– Это всё?

– Кажется... За святотатство в Орифе я пожертвовал Святой Земле Меридиан десятину от тунны золота, написал письмо первому кардиналу – покался в этом послании... А еще я взял под опеку храм и школу в Брослосе, еще строю новый храм в своем Ларгосе, хочу заказать туда сатурномер со звездой. Оружием своим небогоугодным уж не воюю – я теперь мирный человек, голубя зря не обижу... Еще вот... я с лучшим другом разругался из-за той, другой дамы, но он сам виноват – я мириться приехал, а он на меня с кулаками! Да и потом тоже – пришел пьяным, грубил мне при моих воинах, жене моей доложил про мою измену! Ну кто так делает? А я ему – ничего в ответ, всё ему простил! Я добрый, как ангелок, – и сильно от этого страдаю... Даа! Еще я двэна своего, хотя он тысячу раз заслужил позор и смерть, не предал этим самым позору и смерти. Вот такой я добряк и молодец! За что мне каяться? Вот та, одна дама, – за нее мне стыдно – это да, а остальное – нет!

– Прискорбно, но я никак не могу отпустить вам грехи, брат, – сказал священник. – Вы не раскаиваетесь, а напротив, гордитесь собой. Даже той обманутой дамой невольно хвастаетесь и сами того не осознаете... Давно ли вы имели общение с духовником, брат, давно ли были на исповеди?

– Духовник не духовник, а с одним священником я порой имею душеспасительные беседы. Без него я за Великое Возрождение не покался бы, а прибрал бы всё золото себе... Что же до исповеди... Ммм, – задумался Рагнер, – кажется, мне было девятнадцать с половиной. Меня тогда как раз в рыцари посвящали.

– Простите? – округлил глаза священник. – Это сколько лет с тех пор прошло?

– Около четырнадцати...

Священник сурово наказал герцога Раннора: прямо перед застольем наложил на него пенитенцию – строгий пост – хлеб, вода и целомудрие сроком на одну восьмиду, молитва перед ступенями храма в Летние Мистерии и новая исповедь. Лишь затем уже другой священник решит: прощать его или наказывать далее. Покаран герцог Рагнер Раннор был за Гордыню.

Впрочем, Рагнер ничуть не расстроился – помирать уж дней через трое, и глупую пенитенцию он всё равно исполнить не сможет, а значит, и не будет. Маргариту он нашел в спальне замка куда как более взволнованной и хмурой.

– Вот! – гневно ткнула она пальцем в небольшую картину на стене.

– А что, недурно... – с видом знатока наклонил Рагнер голову набок.

Картина от весьма посредственного художника изображала довольного рыцаря с окровавленным мечом, слева от него лежал богато одетый мужчина, справа – женщина. Оба они были порезаны, вернее, расчленены на двенадцать частей прямо в платьях. Головы у дамы не имелось вовсе.

– Рагнер!! – возмущенно смотрела на супруга Маргарита.

– Ну что «Рагнер»? Я эту картинку, что ли, намалевал? Поучительно – муж казнил жену и ее любовника, двух прелюбодеев... Дрожи, жена!

– Я поняла и без тебя, за что так с ними! Но кто, кто такие картины в спальнях вешает? Да в гостевых? Это жутко! И граф этот Винси-Боже-Прости жуткий! А еще он грубиян и явно такой же женоненавистник, как отец Виттанд! Кстати, очень мне интересно, его-то жена где? Он небось ее убил в муках тоже!

– Любовь моя, – обнял ее Рагнер, – пусть будет кем угодно, хоть убийцей жен, – ты же не его супруга, а моя. Граф Мартиннак живет в глухой глуши, одичал со своими оленями – вот и груб, ну а картина... Наверно, это такое напоминание гостям, чтобы вели себя подобающе: на свое ложе местных дамочек не тянули, а дамы в покои к юным красавцам ночами не бегали. Мм, – задумался он, – стоило бы в Ларгосце такую дивную картинку повесить...

– Ты только не забудь заказать еще одну, – пробурчала Маргарита, – как мужа сжигают на костре за двоеженство!

– Любимая, будет непонятно, за что его сжигают... Сжигают и рыцарей, и алхимиков, и колдунов... Ладно, никаких картин, пойдем посмотреть псарню...

Замок графа Мартиннака и его постройки располагались ярусами; они напоминали лабиринт. Сперва хозяин повел гостей в псарню – свою первую гордость, и там долго рассказывал про собак: ищейки выслеживали кабанов, гончие преследовали оленей, бычьи собаки впивались лосям в шеи, волкодавы, понятно, загрызали волков, борзые ловили в полях кроликов. Охотился граф и на горных козлов, но уже без собак.

– А у вас, Ваша Светлость, в замку есть псарня? – спросил Филипп.

– Есть... – пожал плечами Рагнер. – Но псарня как псарня. В наших лесах оленей не погонишь, зайцев тоже. Собаки – сторожевые и ищейки. Еще у меня есть дергтянский волк, моя Айада.

– Оо? – восхищенно поднял брови Мартиннак. Кажется, он уважал в тот момент Рагнера сильнее всего.

Потом пошли смотреть охотничьи трофеи хозяина. Оленьих голов в коридорах замка было столько, что хватило бы на табун. Кабаны встречались в этих местах намного реже, оттого три их головы удостоились лучшего места на стене в бальной (!) зале. Еще там висел бесчисленный сонм других грустных голов, рогатых или мохнатых, и такое обилие убиенных зверушек тоже выглядело жутко. Граф Мартиннак не нравился герцогине Раннор всё сильнее.

– А у вас, Ваша Светлость, в замку есть чучалá? – спросил Филипп.

– Полно... – вздохнул Рагнер. – Некоторые – вполне живые, пока...

– Оо? – удивленно поднял брови Мартиннак.

Затем отправились наверх самой высокой башни восхищаться главным сокровищем хозяина замка – его соколами. Маргарита запыхалась на винтовой лестнице, покраснелась, к тому же ее эскоффион задевал потолок. Словом, граф Мартиннак не нравился герцогине Раннор всё сильнее, сильнее и сильнее.

У самой крыши отдельно жили пять пар хищных птиц. Были у графа и аспидно-серые сапсаны, и огромные беркуты, и ястребы-тетеревятники, и местные рыжие соколы. Белые орзенские кречеты тоже имелись. Маргарита невольно залюбовалась их пятнистым оперением и нарядными желтыми лапами, желтыми клювами, желтыми ободками у глаз, – не птицы, а щеголи.

– А у вас, Ваша Светлость, в замку есть соколá? – спросил Филипп.

Рагнер раздраженно на него глянул – вредный мальчишка прекрасно знал, что соколов у него нет.

– Не люблю соколов, – сказал он.

– Оо? – разочарованно поднял брови Мартиннак.

– В моем замке есть место для них, но оно уж давно пустует. Была долгая война в наших краях, мой замок захватывали, а потом новых соколов не завели, да и зачем? Есть камнеметные арбалеты, ружья опять же... А соколы это так – блажь нынче. Дамам на охоте – соколы самое оно, чтобы ручки порохом не марать. Прогулочка это, соколиная да конная, а не охота...

– Не скажите! – будто бы смертельно обиделся Мартиннак. – Собака – служит, сокол – дружит! Общение с благородной птицей облагораживает душу! Это союз неравных, но равносильных! Союз Воздуха и Земли, какой объединяет Вода – любовь. Чистая, бескорыстная, верная любовь! Без похоти и безо лжи! Ни одна жена так любить не сможет! Были бы женщины как соколы или хотя бы как собаки, но они, что крикливые сороки! И блеск любят, как сороки, тоже! Золото, жемчуга, шелка и камня им подавай, не то слезы и упреки супругу. Супругу! Тому, кто им господин! Ввергают мужей в долги, ввергают кокетством в ревность, ввергают сладострастием во все восемь Пороков, а горестей так вовсе и не счесть из-за них! Одна польза от женщин – дети, наследники, а так – удивительно бестолковые существа...

Маргарита незаметно ущипнула Рагнера. «Ну возрази же ему!» – требовали зеленые глазищи.

– А знаете, граф, – глядя на жену, проговорил Рагнер, – вы совершенно правы – вот бы им молчать, спать у нас в ногах и ходить за нами на цепочке. Да, и руки нам лизать, конечно, тоже...

«Рагнер, ты чего?! Я же и так молчу! А ты!»

– А позвольте узнать, Ваше Сиятельство, – холодно спросила Маргарита, – где же нынче Ее Сиятельство, графиня Мартиннак?

– В монастыре Святой Майрты.

– А я не удивлена!

– Моя супруга – не монахиня, – ядовито улыбнулся граф. Более ничего не поясняя, он пригласил гостей спуститься в парадную залу и начать застолье.

– Почему ты меня не защищаешь? – спросила Маргарита у мужа, когда они садились за стол. – Этот граф меня сороками оскорблял, а ты ему поддакиваешь? Руки лизать? На цепочке ходить?

– Я бы так ему ответил, любимая, – с раздражением произнес Рагнер, – если бы ты не щипалась! Я тьякать по твоим указкам должен? Так, что ли?

– Да! Ты же еще мой рыцарь, забыл?

– Не забыл – рыцари тоже по указкам не тьякают, лишь по желанию.

– Ну ты у меня пожелаешь еще... Еще пожелаешь пожалеть ближе к ночи, что не тьякаешь, – пробурчала она. – В спальне с такой картиной я...

– Кстати, – с улыбкой перебил ее Рагнер, – меня наказали постом: хлеб, вода и никаких плотских утех, зато молитва перед сном и при пробуждении.

– Фха! – фыркнула Маргарита. – Ну-ну...

– Что «ну-ну»? Я восьмиду вытерплю с легкостью! Тебя жалко...

– А я уж тем более теперь тебе не поддамся – спасай душу и не ной!

Так Рагнер сам себя наказал. Свои оставшиеся три дня он из-за Гордыни должен был прожить почти как монах. А праздничный стол меж тем ласкал взор яствами, какие он с удовольствием бы вкусил: бобровые хвосты, раки, миноги, икра... На празднество Перерождения Воды старались сделать как можно больше рыбных блюд, ведь дары вод кушали реже, чем мясо. Самую вкусную, ценную рыбу откармливали в прудах или озерах. Первым главным блюдом стал гигантский сом; когда же полоснули его бок, то оттуда, как из рога изобилия, посыпались жареные рыбешки – форели, карпы, щучки...

На праздничном обеде у Мартиннака присутствовали мелкие землевладельцы со всей округи и значимые люди из Гайю – писари, законники, лекари, дельцы, – всего набралось около сотни гостей, дружно славивших хозяина замка: Винси Мартиннак относился к тем аристокра-

там, какие любили раболепство от нижестоящих. Для герцога Раннора, его супруги и Филиппа отвели самые почетные места за господским столом, то есть Рагнер сидел по правую руку хозяйина замка; Орелиан – по левую, словно хозяйка дома. Если мальчик порывался сказать слово, то строгий отец одергивал его (старайся поменьше говорить, Орели, да побольше слушать, – и так до возраста Посвящения!). Зато Филиппа никто не одергивал, чувствовал он себя взрослым и важным, к тому же малость захмелел от плодового пива и захотел «поумничать».

– А у вас, Ваша Светлость, в замку частые гости бываются? – спросил Филипп. – А таковые сомы тама есть? А китов подают?

– Ты кита хоть раз видел? – недовольно хмурился Рагнер, кусая ломоть серого хлеба и запивая его водой.

– На картинках...

– Вот и у меня на картинках полно гостей...

– Бывают там, Филипп, гости, – сказала Маргарита. – Сам принц Баро был и его наследник, герцог Баро. Выше гостей и не найдешь во всей Меридее!

Рагнер благодарно ей улыбнулся – но Маргарита будто метнула в него молнию из своих зеленых, неласковых очей.

– А у вас, Ваша Светлость, в замку свита великая?

– На хрена мне свита, Филипп?

– Как? Я читал, что даже в замку у барону должны бытаться рыцари. И еще красавицы, экие лишь о телу своем заботы знают. Когда гости наезжаются – они с ими обедают, танцуют, а на прощание целуются.

– У нас таких дам нет и не будет! – возмущенно ответила Маргарита, поглядывая на мужа – Рагнер хитро улыбался, сверкая зубами и жуя свой хлеб.

– А у тебя там, Грити, много свиты?

– Нет... Совсем никого. А зачем она мне? Мне тоже свита не нужна.

– Ну как зачем? Чтоб фиалки в лесу вместе собирать.

– Нет в тамошнем лесу фиалок, одна ларгосская гадюка лишь есть...

– И молиться по часослову... У тебя хоть часослову имеется?

– Наверняка где-то на лодэтском есть... – начинала раздражаться и Маргарита. – Мне некогда каждый час молиться, Филли.

– Что же ты там делала год?

– Хватало дел... Ну лодэтский учила, наряды заказывала...

– И всё?

– Да! Всё! Ничего я год не делала, Филипп, как красавицы эти твои бесстыжие, успокойся! – тихо зашептала Маргарита. – Я же не была тогда в замке хозяйкой – гостьей только. Чего ты всё спрашиваешь и выспрашиваешь?

– Ну как же?! Я, может, с вами до Лодэнии еду! Интересное... Так как там, в вашем замку?

– Ну замок такой серый... – неуверенно начала Маргарита, – ...зато рядом столь красивая заводь, будто озеро, река у самого замка, – летом можно плавать, а зимой там катаются на коньках, санях и лепят баб из снега, потом их наряжают – как же это весело! Снежками кидаться можно целых полгода! В замке есть парк и сад, рядом луг, – в лес не надо. В лес же на охоту ходят, на медведя даже ходят. Еще плавают на лодках или кораблях до острова Фёо. А у побережья – город, куда больший, чем Гайю. Там уж, небось, две верфи. Рагнер еще стекольню устроит, и пушками вот-вот займется. В замке же гений живет – он тебе нагениалит что угодно. Ой, а какая же осень там золотая, какая зима белая, какая ягода вкусная! Малины не надо, хотя она там тоже есть, но дикая и костистая... Грибы вкусные, рыбы навалом, пьют из чаш, за одним столом обедают, до ночи обедают, поют и танцуют... Как же я хочу в Ларгос!

Рагнер молча поцеловал ее руку.

– Рагнулечка, – еле слышно прошептала Маргарита, – а давай здесь не останемся с ночевкой. Я по дочке так соскучилась. Пожааалуйста...

– Поедем, – кивнул он. – И извини меня: сам не знаю, чего вспылел.

Маргарита хотела успеть домой к полуночи – к купанию в реке, чтобы встретить момент перерождения воды и набраться здоровья на год. Таким образом, в середине часа Кротости, гости из Лиисема засобирались в дорогу. Хозяин замка шел с ними до ворот, а еще любезно дал им своего человека в проводники, чтобы тот показал кратчайший путь с гор и холмов в равнину. На прощание Винси Мартиннак поблагодарил за визит и даже принес извинения Маргарите – «на случай, если невзначай был резок».

– Я прямой человек, – добавил он. – Не терплю хитрости, ненавижу обмана. Но вы сами видели, что за свет вокруг меня, – лживые холоуи. Я же со скуки рад даже торговцу, что умеет грамотно изъясняться. А они рады набить животы задарма. Я привык... Я лишь о сыне имею беспокойства. Ему должно общаться с равными по положению, а не с сынами счетоводов.

– Так в чем дело? – пожал плечами Рагнер. – Отправьте сына к герцогу Мартинзы, своей родне.

– А еще он мой злейший враг.

– Я вас понял, – задумчиво сказал Рагнер. – На моей галерее освободилась каюта – можете ее занять. В Бренноданне я буду иметь встречу с королем, познакомлю вас.

– О, что вы... Простить и унижаться не в моих правилах...

– Нет так нет.

– Я хотел сказать, что крайне вам благодарен за каюту и приглашение.

За воротами замка Маргарита с наслаждением наполнила грудь теплым, полным запахов трав воздухом. Почему-то в замке «злого графа» так не пахло – там царили ароматы смерти и пыли. Солнце спускалось, начинали робко стрекотать сверчки, скоро затанцуют блуждающие огоньки светлячков.

Когда конный отряд герцога Раннора сошел с горы к городу, Маргарита спросила мужа:

– Зачем ты его позвал с нами в путь? Он же жуткий – и тебе самому он не нравится. И он напрашивался, хитрил. Прямой он, как же... И он... он...

– Да, напрашивался и хитрил, а безупречно прямых людей в сорок лет уж не бывает, – тяжело вздохнул Рагнер. – Давай, любовь моя, не будем о нем говорить, давай не будем ссориться. Может, я вовсе не поеду ни в какой Бренноданн. Я хотел слегка подшутить над ним... и еще уйти хотел побыстрее.

В праздничную ночь люди ходили к водоемам, делая это тайно, хотя ничего особенного у вод не происходило: просто купались. Однако такой обычай остался со времен язычества, оттого Экклесия с ним боролась. Маргарита раз слышала, что древнее языческое празднество было посвящено русалкам. Якобы до этого дня нельзя было купаться в реках, иначе хвостатые девы утаскивали на дно или награждали хворьями. И именно этой ночью они вновь становились земными женщинами, но не могли сойти на берег: полностью обнаженные красавицы качались на ветвях над водой, поднимая ногами брызги. По преданиям, пойманная русалка сулила за свою жизнь сокровища, ведь, если с рассветом она не возвратится в свое подводное царство, то растает на солнце и превратится в пену. Многие лиисемцы устраивали этой ночью охоту на русалок и искали подозрительных купальщиц.

После полуночи водоемы с текучей водой становились безопасными на всё лето. И воду для омовений больше на огне не грели – лишь на солнце. Купели ставили в садах, среди плодовых деревьев и цветов, в шатрах или даже без них. В особняке Нола кадку установили на балконе, за полотняной завесой.

Рагнер, Маргарита и Филипп успели до темноты спуститься с гор в равнину, успели даже немного передохнуть после утомительной поездки верхом. А затем вместе с родней, будто

жрецы языческого культа, гуськом пошли к Аэли, – небольшим отрядом, без фонарей; все одеты в простые платья и плащи с капюшонами. Ангелику нес Рагнер, Маргарита держалась позади него и держалась за его плечо, чтобы не упасть или не потеряться.

На берегу реки поставили шатер для дам, чтобы они могли в нем раздеться. Рагнер купаться отказался и остался в дозоре. Он сел у валуна на небольшом отдалении, рядом поставил ружье, так же годное в качестве отменной дубины. Прочие мужчины купались дальше, чуть ниже по течению.

Маргарита умела недурно плавать – ее и Синоли научили еще в детстве, в Бренноданне, а Филиппа нет, ведь в Элладанне рек не текло, только мелкая Даори, чистая у истока на холме и грязная в городе; к озерам же никого не пускали – они принадлежали герцогу Альдриану. Пару раз дядя Жоль возил семью в Калли, в другие празднества Перерождения Воды Ботно пытались пробраться к ручьям Левернского леса, на худой конец обливались водой из колодца.

Плавать Маргарита любила, но сегодня не стала – с Ангеликой на руках она быстро присела, погрузила их обоих на мгновение под воду, и побежала назад к шатру. Вскоре она вышла к Рагнеру одетой в платье, но с мокрыми, распущенными волосами.

– Зря ты не искупался, – сказала она, присаживаясь напротив него. – Вода теплая, к тому же целебная. Ангелике и той пришлось по нраву, – показала она замотанную в сухое полотенце, гукающую и улыбающуюся дочку.

– Нельзя мне, – вынул травинку изо рта Рагнер и отбросил ее. – Бесовские обряды да игрища, а я на исправлении души...

– А травинки ты давно жуешь? – задумалась Маргарита.

– Полагаешь... я наперстянку вашу погрыз?

– Да кто знает, что тут за травы растут или грибы... Я сама не знаю. Не тащи более в рот всякого, ты же уже не малыш. И я тебе не указываю, но...

– Значит... может, я уж снова отравился. Одним хлебом не наелся и много чего успел погрызть, пока тебя ждал. Наверняка помру через три дня...

– Рагнер! Что еще за разговоры?

– Ааа... так – ничего...

– Рагнууулечка... – ласково прошептала Маргарита. – Ну скажи, что такое с тобой? Может, ты мне благо хочешь сделать своим молчанием, но выходит хуже. Я же вижу, что тебя что-то гложет. Я тревожусь и расстраиваюсь. Неужели мы вместе через малое прошли?

– Я... Иди ко мне, – протянул он руки. – Сядь ко мне, хочу вас обнять.

Маргарита пересела спиной к его груди, и он обнял ее.

– Говори! – потребовала она.

– Просто так не сказать. Я с Магнусом поговорил о твоих снах, потом разговор зашел о проклятиях, и еще я случайно узнал, что мой старший брат Гонтер знал точное время своей смерти – затем и вернулся в Ларгос. Говорил, что мы оба прокляты и я умру как он – в тридцать три... Он погиб ночью третьего дня Кротости, значит: у меня три дня. Возможно, я уже вновь отравился, возможно, рана на голове загноится... Гонтер, к примеру, поцарапал руку в празднество – и всё. Утром рука опухла вдвое, к вечеру началась горячка, и более он не приходил в сознание, бредил... Вот и я... готов плакать от жалости к себе! – недовольно выдохнул Рагнер. – А могу даже хлебом подавиться. Я раз видел, как здоровый мужик взял и подавился крошкой... От рыбных костей тоже умирают...

– Рагнер, хватит!

– Послушай, любовь моя... Если я впрямь отойду в иной мир, то Лорко позаботится о твоём возвращении в Ларгос. Можешь здесь задержаться, но осенью – возвращайся. Я оставил в Рюдгксгафце духовную грамоту, – всё тебе и дочке завещал. Магнус и Марлена знают, где она спрятана. Что еще... Моим охранителям скажи, пусть вырежут мне сердце, – они поймут, что делать дальше. А прочую мою плоть сожги по меридианскому обряду... В Ларгосе пока

живи – там тихо и безопасно, затем и замуж обязательно снова выходи. Кажется, принц Баро к тебе посватается – я буду радоваться за тебя...

– Рагнер, прекра... ти, – всхлипнула Маргарита, вытирая слезы со щек.

Слышался нежный женский хохоток, всплески и шлепки по воде, – Беати и Тасита резвились, как дети, их дочери довольно повизгивали; весело журчала речка. Под этот жизнерадостный гул, Ангелика вдруг захныкала; плачущая Маргарита молча расстегнула ворот платья. Рагнер тоже молчал – любовался самой прекрасной картиной на свете: как, прикрыв от удовольствия глаза, его ребенок пил белый сок из белой груди его жены, его женщины. Маленький огонечек, кружась, сел Маргарите прямо на макушку – будто прилетела звездочка.

– А знаешь, Рагнер, – несчастным голосом сказала Маргарита. – Скоро созреет тутовая ягода. Нельзя тебе никак умирать, не попробовав ее...

Он крепче обнял ее и поцеловал в макушку.

Глава IV

Утга

Розыскная служба Экклесии, «Святое испытание», в первую очередь выявляла еретиков среди священников и боролась с черными орденами дьяволопоклонников, далее наступал черед алхимиков, колдунов и ведьм. Колдунами и колдуньями становились после прочтения еретических книг, сношений с демонами и принесения клятв повелителю Ада, ведьмами – рождались. Само слово «ведьма» означало ведущую женщину, знающую больше других без какой-либо учебы или грамоты, женщину, способную влиять на погоду, отбирать молоко у коров, портить зерно, насылать пожары, хвори, неурожай. Знахарки встречались в каждой деревне, и их чтили, несмотря на то, что порой их лечебные обряды смахивали на колдовство. Ведьма же, в отличие от знахарки, никого не лечила, но исполняла привороты, искусно ворожила и сторонилась людей. Силой своей она не всегда могла управлять – если ведьму обижали, то ее обидчик жестоко платил, даже без ее явного желания, однако, если ведьму сжигали, то исчезало и ее проклятье. Святые испытатели считали, что к будущей ведьме Дьявол приходит во снах и учит ее ведовству; потом, осознав себя ведьмой, женщина приносит ему в жертву детей, лучше всего младенцев, – так она сеяла горе, так росла ее сила. Ведьмы были злобными, чаще всего некрасивыми и смертельно из-за этого обиженными на всех людей и на Бога. Зато Дьявол обещал им красоту и нечто большее, чем красота, – женские чары. Следовательно, вызывали подозрения некрасивые девочки, какие вдруг расцветали, а также дамы заурядной внешности, но сводящие мужчин с ума. Привлекательные чужеземки тоже были потенциальными ведьмами – авось они получили свою красу путем колдовства, после чего, боясь разоблачения, покинули родные края, да наверняка по воздуху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.